

АРТЕФАКТ

&

ДЕТЕКТИВ

Пророчества Дельфийского оракула всегда верны и точны. Но не всегда открывшееся будущее идет во благо желающим узнать предсказание. Мстительный Аполлон, покровитель оракула, жестоко карает стремящихся увидеть больше дозволенного богами...

Екатерина ЛЕСИНА

Дельфийский оракул

Артефакт & Детектив

Екатерина Лесина
Дельфийский оракул

«ЭКСМО»

2013

Лесина Е.

Дельфийский оракул / Е. Лесина — «Эксмо», 2013 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-699-61707-4

Солнцеликий Аполлон, прекрасный и мстительный бог, наделил Дельфийского оракула удивительным даром – предвидеть судьбу. И пифии многие годы открывали людям пути грядущего, множа богатства Дельф. Но ушли в прошлое боги, и лишь серебряная чаша с берегов древнейшей Эллады способна предсказать судьбу любому испившему из нее. Вот только не каждый способен вынести всю правду о своем будущем... Умирает Татьяна, нашедшая чашу. Сходит с ума Эмма, жена Аполлона – руководителя Центра предсказаний «Оракул». Молодые девушки, обратившиеся в центр, очень скоро становятся вдовами и теряют не только супругов, которых они пытались приворожить, но и крупные суммы денег. Саломее, специалисту по экстрасенсорным явлениям, предстоит найти того, кто примеряет на себя роль оракула, а заодно попробовать обойти собственную судьбу...

ISBN 978-5-699-61707-4

© Лесина Е., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Пролог	5
Часть 1	8
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	34
Глава 7	40
Глава 8	45
Эпизод 1	49
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Екатерина Лесина Дельфийский оракул

*Пифию или ясновидящую побей камнями!
Из Ассирийской земли, от мощных стен Вавилона
Я в Элладу явилась, как некий огонь, в исступленье,
Чтобы всем смертным изречь, чем Бог угрожает
во гневе<...>
Смертным все предскажу в загадках, внушенных
мне Богом.
Станут тогда говорить в Элладе, что я –
чужеземка,
Что родилась я в Эритрах, бесстыдная; и нарекут
мне
Имя Сивиллы и скажут, как будто Гностом и
Киркой
Мать и отца моих звали, а я – безумная лгунья.
Но когда все свершится, слова мои вспомните сразу
И не безумной сочтете – великой пророчицей Бога.
Мне Господь не открыл того, что родителям
прежде
Он поведал моим, но то, что было вначале,
И грядущее все вложил мне в душу Всевышний,
Чтобы пророчить могла я о бывшем и будущем
людям.*

(3:809–822)

Пророчества Сивиллы

Пролог

Ее больше не было.

Ее не стало много раньше, чем сейчас, но она не понимала этого. Продолжала жить по инерции. Дышала. Плакала. Ела то, что ей приносили. Подносы разные, а еда одинаковая – острая, избыточно приправленная лавром. Сухие листья этого растения ей не позволяли вылавливать из посуды и выплевывать.

– Я не хочу! – говорила она.

– Надо, – отвечали, надевая ей на голову венки из того же, сухого и колючего лавра.

Ее заставляли жевать, и, когда она отказывалась, делали ей больно.

Их – двое.

Тени, тени... размытые тени.

– Пей, дорогая. – Первый садился рядом, и кровать скрипела. Она ощущала его близость, теплоту его тела сквозь плотную ткань рубашки, чувствовала кисловатый запах пота и яркий, лимонный – туалетной воды.

– Пей. – Он вкладывал в ее руки чашу.

Тяжелая. Самой не удержать, но ей помогают. Бока шершавые. Металл? Она ее помнила... Она видела эту чашу раньше... когда?

Давно.

Металл. В зеленоватой пленке патины, а ручки – блестят. И лицо существа, изображенного на чаше, – женщина это? мужчина? – тоже сияет – так, что невозможно смотреть. Но – приходится. Даже когда чаши нет, даже когда нет рядом никого, это лицо стоит у нее перед глазами.

Пухлые губы. Мягкий подбородок. Детская округлость щек и покатый высокий лоб. Мертвые каменные глаза и бронзовые завитки кудрей.

Свет, исходящий...

– Пей, дорогая, ну же!

Первый злится. Второй – тоже. Он делает шаг – всего один, но комната маленькая – и оказывается рядом. Его рука впивается в ее лицо. Пальцы холодные. И ее рот открывается. Чаша прилипает к губам, и яркий солнечный свет вливается в ее горло. Больно!

Надо глотать, иначе она подавится.

– Вот так, умница. – Первый гладит ее по руке, утешая и уговаривая. Второй держит чашу, но не сам, он словно брезгует – или опасается? – трогать древнюю бронзу, но он крепко сжимает ее пальцы, охватывающие чашу.

– Она уже почти выдохлась, – говорит он Первому.

Слова скользят по краю сознания, разрезают его на части. Из ран ее сознания брызжет солнце, и она кричит от страха и боли. Пытается вырваться, но чаша прилипла к ее пальцам.

– Смотри! – приказывают ей.

Она смотрит. Выщербленное дно. Тайные знаки трещин. Криптография коррозии. Впадины. Отпечатки. Мир плывет... куда-то, а солнце выжигает ее глаза.

– Итак, милая, а теперь скажи, где искать новую пифию? – вкрадчивый голос Второго проникает в ее мир.

Вопрос задан. Вопрос услышан ею.

Она не будет отвечать! Хватит!

Отпустите!

Сухие губы дрожат, силясь выговорить эти слова. Не получится... и раньше у нее не получалось. Она борется. Но лицо, то самое, с чаши, вдруг оживает. Оно надевает на себя ее кожу и завладевает ее губами. Оно что-то говорит, и те двое с почтением внемлют каждому слову.

Потом, когда существо уходит, – пусто, как же пусто внутри... – ей позволяют лечь.

– Вечером мы погуляем, – обещает ей Первый. – В саду. Там хорошо. Бабочки и все такое...

– Оставь ее, – обрывает его Второй. – Не видишь, дамочке хорошо? «Приход» поймала.

При-ход.

Пой-ма-ла.

Слова. Слоги. Буквы. Откуда это все? Пустота. Внутри. В голове. Нельзя смотреть на солнце – она сожжет глаза. Она бы спряталась, но в комнате – негде. Это очень маленькая комната.

Уходят. Закрывается дверь. Скрежешет ключ в замке. Им нет нужды опасаться – она больше не хочет бежать. И не может. Ее ведь нету. Разве что – на самом доньшке, как в чаше на доньшке – содержимое.

Вспомнить бы.

Она стянула со лба высохший лавровый венок, который разломался, раскрошился под ее пальцами. Венок упал под кровать, а она поднялась, коснулась стены – гладкая, скользкая, с набивным рисунком – и сделала шаг. И второй. Легла на пыльный ковер и закрыла глаза. Сердце суматошно колотилось. А в животе у нее была дыра. Сквозь эту дыру уходили остатки сил.

Ее вырвало кровью и темными острыми кусками лавра.

Но зато – она почти вспомнила! Еще бы немного... еще чуть-чуть... как же ее зовут?

Она закрыла глаза. Солнце пробивалось сквозь легкие шторы и ее истончившиеся веки, наполняло тело светом, пыталось сохранить в нем остатки тепла.

Ее нашли лежащей на полу, еще живой, дышащей слабо.

– И что теперь? – спросил Первый, нащупав слабый пульс на тонкой шее. – Я же говорил, что нельзя... так часто!

– Как обычно. Отвези ее куда-нибудь. – Второй поднял смятый венчик и, повертев его в руках, бросил на смятую постель. – И приберись тут.

Часть 1

Благословленные солнцем

Глава 1

Фактор случайности

Конверт доставили на дом, и зевающий сонный посыльный долго искал строку, в которой Саломее полагалось поставить свою подпись. Потом он так же долго искал ручку и, когда наконец ушел, после себя оставил острый запах пота и почему-то асфальта. А на конверте – жирный отпечаток пальца. Он просочился сквозь тонкую бумагу, марая приглашение.

«Приходи пить кофе».

Дата. Подпись.

И золоченые виньетки. При прикосновении к ним с узоров слетела позолота. Печати для полного комплекта не хватает. Саломея почему-то не сомневалась, что печать у Далматова имеется, какая-нибудь солидная, с натертой до блеска ручкой и резной «пяточкой», поистершейся от длительного использования. Печать хранится в особой шкатулке, вместе с запасом красного воска, шелковыми шнурами, тончайшим кварцевым песком...

Саломея рассмеялась, просто так, без повода. Кофе попить? Почему бы и нет!

На улице горел июль. Солнце прорывалось сквозь заслоны на окнах, проникало в узкие щели жалюзи и разливало по полу лужицы света. Паркет блестел, словно натертый воском. Пахло летом. Остро. Пряно.

В подъезде плясала пыль, за приоткрытой соседской дверью гудел пылесос, где-то лаяла собака, но звуки эти – свидетельство близости людей – не раздражали.

Лето.

Пылают жаром автомобили. Воздух дрожит. Старая осина греет на солнце артритные ветви, трепещут серебристые листья, скользят тени по асфальту. Вдыхает бродячий пес, и какой-то человек утирает пот со лба. Он весь красный от жары.

Людей на улицах немного. Раздраженные, разгоряченные. В витринах замерли манекены и разморенные жарой продавщицы. А Саломея хорошо. Она любит лето – чтобы было солнце, чтобы жарко было. Веснушки, «проснувшись», проявились на коже, даже на ее ладонях они проступили.

В кафе работал кондиционер. Холодный воздух окутал Саломею и соскользнул с ее плеч, как шелковая шаль. Звякнул колокольчик, и капли кофе, выкипев из джезвы, упали на песок, зашипели. И вязкий голос саксофона споткнулся на трудной ноте.

Или показалось?

Показалось.

Посетителей почти нет. Девушка в длинном сарафане. Смуглокожий мужчина солидных лет, с портфелем, с портмоне и со сложенной вчетверо газетой. Тройка подростков с мороженым.

Далматов.

Сидит за угловым столиком, нахохлившийся, раздраженный.

– Привет, – сказала Саломея. – Давно ждешь?

– Две песни. Привет.

Он лето не любит. Не столько жару, сколько яркий свет, проникающий в помещение. Далматов защищался от света темными стеклами очков, но все равно ему явно было неудобно.

– Соскучился?

– Вроде того. – Он повел плечами и спрятал руки под скатерть. – Тут советуют попробовать трубочки со свежей клубникой. Будешь?

– Буду.

Разговор – ни о чем. Все эти встречи, редкие, почти случайные, были лишены какого бы то ни было смысла. Далматов не рассказывал о себе, и Саломея тоже молчала. «Привет-как-дела-нормально-а-у-тебя-тоже хорошо-спасибо».

И «послевкусие» – печаль, без всякого повода.

– Я думал, ты уедешь, – сказал он.

– Куда?

– Куда-нибудь... Лазурный Берег. Испания. Сейшелы. Бали. Таити... мало ли! Все куда-то едут летом.

– А ты?

– Я не люблю солнце.

Но зачем-то он выбрался из дома, где наверняка закрыты все окна, а портьеры плотно задернуты. В его доме сыро и прохладно. Там нет кондиционера, просто июль не в состоянии «взять» эту крепость штурмом. И в отместку жаркий летний месяц выжигает аллеи, заставляя пожелтеть раньше срока листву каштанов. На газонах возникают «язвы» – островки сухой травы, редкие одичавшие цветы жаждут тени.

И если все именно так – а летом Саломея видела больше, чем зимой, – то Далматов зря покинул свое убежище.

– Что случилось? – Она все же спросила об этом, хотя по молчаливой договоренности они оба избегали подобных вопросов.

– Да ничего. Наверное... Или что-то. Пока не знаю. Ты совсем коричневой стала. Тебе идет. – Далматов подпер щеку кулаком. – Все, наверное, хорошо. Но – беспокойно. Если вдруг решишь уехать... по делу... дай мне знать.

– Зачем?

Он пожал плечами:

– Беспокойно как-то.

Далматов ошибается. Если что-то и произойдет, то не с Саломеей. Летом она слышит «запределье» очень отчетливо, и сейчас дверь надежно заперта. Откроется ли она? Возможно. Когда-нибудь – обязательно. Но Саломея подумает об этом завтра. А сейчас – музыка. Трубочки. Свежая клубника. Взбитые сливки и черный арабский кофе. Непривычно молчаливый Далматов.

Саксофон.

Колокольчик на двери. Девушка оборачивается, взмахивает рукой – жест нетороплив, изящен, – и Саломея невольно «цепляется» взглядом за ее руку. Узкое запястье с шестью золочеными браслетами. Аккуратная ладонь. Длинные пальцы с длинными же ногтями касаются других пальцев, смуглых, жестких.

Широкий браслет часов. И знакомая линия вены, идущая к локтю. Локоть тоже знаком. И сам мужчина в светлой рубашке-поло – знаком ей.

Сердце замирает.

Узнало оно его? Узнало. Как оно могло не узнать! Привычно сжимается сердце, перекрывая ток кислорода, и – несется вскачь. Саломея должна отвернуться, но она продолжает смотреть...

Он совсем не изменился.

Ровный красивый загар. Улыбка. Манера трогать себя за левое ухо, словно проверяя, на месте ли оно.

– Я же говорил, беспокойно как-то, – меланхолично заметил Далматов.

Саломея очнулась. Надо вдохнуть, выдохнуть – и сбежать. Пока он ее не заметил. А если и заметит, что тогда? Ничего. Давний роман, подернутый пеплом страданий. Посмеяться и забыть. Но ей несмешно.

– Я... мне...

– Надо уйти. – Илья бросил ей подсказку. – Срочно.

– Да.

– Вот прямо сейчас – встать и уйти.

Издевается? Конечно, сейчас, пока он не обернулся...

– Сиди, – велел ей Далматов. – Чем больше ты дергаешься, тем больше привлекаешь к себе внимание. Конечно, если ты не ставишь себе целью – привлечь внимание. Кофе пей. А заодно Расскажи, с чего вдруг такой выброс адреналина? Или – с кого? Так будет правильнее?

Рассказывать ему Саломея точно ничего не станет. Во-первых, все в прошлом. Во-вторых, Далматова это не касается. А в-третьих – личное это.

– Первая любовь, что ли?

Далматов приподнял очки над бровями. Глаза у него красные, воспаленные, как у кролика-альбиноса. Наверняка опять его бессонница мучает, но он в жизни не признается. Гордость на грани идиотизма.

– Точно. Первая любовь. Несчастливая, – кивнул он.

– С чего ты решил? – Саломея стыдно признаться, что его догадка верна, и вторая – тоже верна, и что у Далматова до отвращения легко получается топтаться по ее больным мозолям.

– Ну... первая любовь редко бывает счастливой.

Он хотел сказать что-то еще, но замолчал, глядя куда-то за спину Саломеи. Она не станет оборачиваться. Не станет, и все!

Она представит, что ее здесь нет. Или, по крайней мере, что она очень чем-то занята, настолько, что времени глазеть по сторонам и, уж тем более, разговаривать со старыми знакомыми у нее нет.

– Саломея? Это ты? Ну конечно, ты!

Нет! Пусть он подумает, что ошибся, и уходит.

– Только у тебя такие особенные... волосы. Здравствуй. – Он не ушел. Он никогда не умел уходить вовремя. – Давно не виделись.

– Давно.

Притворяться, что она не узнала его, бессмысленно. И Саломея поднимается ему навстречу. Что-то говорит, улыбается. И он тоже улыбается – той детской беспомощной улыбкой, от которой на его щеках появляются ямочки. На левой – две, на правой – одна. У него мягкий подбородок и острые скулы. Нос тяжеловат, а лоб аристократично высок. Его профиль совершенен. И анфас совершенен тоже. И весь он, от макушки до загорелых пяток, – чистый идеал.

Дежурная шутка позабытых бесед. Аполлон богоравный.

– Не представишь меня своему другу? – спросил Аполлон. – Или я не вовремя?

«Нет. Да». Саломея не знает.

– Илья, это Аполлон. Аполлон, это Илья.

– Претенциозное имечко. – Далматов не протянул руки и вновь заслонился от мира очками.

– Я привык. Позвольте?

– Нет.

Аполлон все равно присел за их столик.

– Неожиданная встреча, но... я рад, – он говорил, глядя лишь на Саломею, точно не существовало вокруг никого и ничего, кроме нее. И от этого взгляда по ее спине бежали мурашки.

Надо остановиться. Успокоиться. Саломее больше не шестнадцать. Она стала старше, умнее...

– Ты себе представить не можешь, насколько я рад.

Рука накрыла ладонь Саломеи. Знакомое тепло. И кожа – мягкая. Саломея помнит ее запах и вкус.

– Нас многое связывает, – это он сказал уже для Далматова, который молча наблюдает за происходящим. – Мы когда-то были очень близки, а потом...

– Вы расстались, и с тех пор не прошло и дня, чтобы ты не сожалел о случившемся, – договорил за него Далматов скучным голосом.

– Именно.

Мужчины явно не нравятся друг другу, а неудобно почему-то Саломее, как будто она виновата в появлении Аполлона или в том, что у Далматова начался очередной приступ ненависти ко всему миру.

– А ваша подружка там не скучает? – Илья указал на девушку в сарафане. Она задумчиво грызла соломинку. Коктейль был давно ею выпит, но девица не спешила уйти, как не делала и попыток приблизиться к их столику.

– Деловая встреча. Одну минуту. – Аполлон встал и подошел к девушке. Наклонившись к ней – Саломея ощутила знакомый укол ревности, – он что-то сказал. Взял ее под руку. Потянул к двери.

Деловая встреча? В кафе?

Случается, но... все ведь в прошлом, тогда откуда взялось у нее это желание – вцепиться девице в волосы? Надавать ей пощечин? Просто завизжать – от невыразимой злости!

Аполлон выпроводил девицу за дверь. Они еще постояли у входа в кафе, поговорили о чем-то, кажется, поспорили. Девица «дирижировала», и золотые браслеты скользили – от запястья к локтю, от локтя к запястью – и ниже, почти срываясь с ее тонких рук. Аполлон отвечал ей кратко. И девица вскоре от этой беседы устала. Она приняла его визитку, долго рассматривала ее – и внимательно – и, в конце концов, спрятала ее в сумочку.

– Кажется, я здесь – третий лишний, – сказал Далматов, поднимаясь. – Позвони мне вечером. Обязательно!

– Хорошо.

Саломея готова была пообещать что угодно, лишь бы Илья ушел поскорее. Нынешняя ее встреча с Аполлоном – не просто так, это – шанс. Вернуть прошлое? Вернуться *в прошлое*? Построить все заново?

Саломея пока что ничего не знала, но решила, что выяснит это – непременно.

– Твой друг ушел? – Аполлон занял освободившееся место за столиком. – Он ведь... просто друг?

– Друг. Детства.

– Ты знаешь, а я ведь действительно по тебе скучал... и мне жаль, что все тогда так получилось.

Глава 2

Деловое предложение

Девушку, с которой был Аполлон, Илья догнал. Она, упершись одной рукой в стену дома, балансируя на левой ноге, отчаянно пыталась надеть босоножку на правую. Босоножка была узенькой, с ремешками, за которые цеплялись пальцы ноги.

– Черт... черт... да что за день такой! – Обувка выскользнула из ее руки и упала в полу-метре от хозяйки. – Извините, вы не могли бы мне помочь... видите...

Девушка вытянула ножку.

– Со всем моим удовольствием, – отозвался он.

В принципе неплохой повод для знакомства, хотя пока что Далматов не очень понимал, зачем оно ему вообще нужно.

– Спасибо! Меня Дарьей звать. Можно – Дашкой. Или Дашенькой.

– Илья.

Невысокая. Тонкокостная, но, по удивительному капризу природы, лишенная какого бы то ни было изящества. Лицо простоватое, незапоминающееся. Светлые брови. Светлые глаза. И осветленные волосы, стянутые в «хвост». Сарафанчик льняной, качественный, а вот обувь и сумочка – копеечные. Бижутерия – китайская. Покрытые черным лаком ногти и вовсе не от «нынешнего» ее образа.

Спустя пятнадцать минут Илья уже знал, что Дашка – приезжая, явилась она из села (название его не задержалось в далматовской голове), чтобы учиться на актрису. Однако Дашкина мама решительно этому воспротивилась и в конце концов пригрозила лишить дочку ежемесячного вспомоществования, ежели Дашка не возьмется за ум. Угроза подействовала. Смирившись с непониманием и жестокостью своей родни, Дашка поступила в медицинский. Училась она нормально, но не доучилась. Во-первых, поняла, что медицина – вовсе не ее призвание. Во-вторых, маминых денег на нормальную городскую жизнь все равно не хватало. И в-третьих, Дашке очень повезло: она нашла работу в салоне.

– Ты не подумай, это не тот салон, ну, который... ты понимаешь... – Дашкины каблочки весело цокали по асфальту. – Я бы в жизни на такое не согласилась!

– Понимаю.

Беседа их требовала от Далматова лишь кратких фраз, которые подталкивали Дашку на новые откровения. Оставалось надеяться, что в этом ворохе абсолютно ненужной информации найдется хоть что-то полезное для него.

– У меня бабка с картами умела «общаться». Ну, знаешь, там, на будущее или на короля червового гадание? Или на приворот. Про прошлое чье-то тоже рассказывала. Меня научила. Хочешь, погадаю тебе?

– Нет.

Дашка не обиделась. Она вообще, похоже, уродилась необидчивой, и качество это весьма наверняка выручало ее в такой неудобной городской жизни.

– Я девчонкам частенько раскидывала карты. Глупости, конечно, а они верили.

– Люди вообще охотнее всего верят в глупости.

Дашка кивнула, не то соглашаясь, не то отмахиваясь от подобного утверждения.

– А потом ко мне Ирка подкатила. Ну, Ирку ты не знаешь, она со мной училась. Вся из себя прямо такая, ну... такая. – Дашка потрясла рукой, и браслеты весело зазвенели.

При ближайшем рассмотрении она даже вполне миленькая. Сводить бы ее к стилисту. В салон красоты. Шмотья прикупить – «правильного». Украшений... ей серебро пойдет. Серебро хорошо сочетается со смугловатой кожей и светлыми глазами. Камни должны быть темные, но прозрачные. Аметист? Зеленый турмалин? Демантоид?

– Ну, она мне и предложила... ничего такого, ты не подумай! Гадать за деньги. Ну, типа я, мол, потомственная ведьма, и все такое.

Она неловко улыбнулась: ничего, как видишь, личного, бизнес – это бизнес. Каждый выживает, как умеет. И в этом Далматов был с ней согласен.

– У Ирки уже клиенты были. Много! Она не справлялась, вот меня и взяла. Работали в две смены. И хорошо работали. Я людей не обманывала! Ну, если что-то серьезное надо было сказать.

А по мелочам – свечи, из Израиля привезенные, использовали. Камни с «наговором на удачу». Тряпичные талисманы. И обряды, в которых настоящая часть, истинная составляющая, – лишь вера клиента в чудо.

– Осуждаешь меня? – спросила она.

– Нет.

– И почему я тебе все это рассказываю? – Дашка остановилась и повернулась к нему: – Очкиними!

– Не могу.

– Сними!

Илья подчинился. Глаза жгло. Голова привычно трещала, но на части не разваливалась. И в целом состояние его было скорее нормальным.

– Все? Посмотрела? – Тонированные стекла делали мир более тусклым, но и более безопасным. И Далматов подумал, что ему вообще не следовало бы выходить из дому, а он, дурак, вышел и теперь вынужден слушать всякую чушь от ненастоящей ведьмы.

И чего ради?

– Извини, я просто... ну, ты же из «Оракула», да? Проверяешь? Я сразу поняла! Я прощательная очень! Ирка – она тормознутая. А я вот сразу людей просекаю. И клиенты меня больше любят. Когда надо, я и подыгрывать могу. Тебе вот – подыграла.

Илья окончательно перестал понимать, о чем идет речь, но на всякий случай сказал:

– Молодец.

Дашка воодушевилась:

– Я вам даже лучше подойду! Ирка ушла? Ну и фиг с ней! Не велика потеря! Скажи Аполлону, что я согласна.

– На что?!

– На его условия. Любые! Если он мне не верит, пусть на испытательный срок возьмет. Увидит, что Дашка Кузнецова – настоящий профессионал! Понятно?

«Нет».

– Да.

– И если что, то пусть... сейчас... – Дашка стянула с плеча сумочку и сунула ее Илье. – Подержи...

Сумочка была весьма объемной. В ней лежали: скомканная газета, чулки, завязанные бантиком, увесистая склянка дешевой туалетной воды, два кошелька и объемная визитница из зеленого дерматина.

– Вот. Моя визитка. – Дашка извлекла из визитницы вощеную карточку бурого цвета. – Пусть звонит в любое время! А та, рыжая, она вам не подойдет. Типаж не ходовой.

Дарья ушла с гордо поднятой головой, совершенно уверенная в том, что произвела нужное впечатление. Разочаровывать ее Илья не стал. Визитку ее он изучил не без интереса. На лицевой стороне карточки значилось: «Потомственная гадалка Дарья. Предсказательница. Помогиня». Телефон и адрес указывались. На обратной – мелким убористым шрифтом шел текст: «Обряды воздействия методом магии Божественного Света. Помогу обрести любовь. Очищу ауру от внутреннего и наведенного негатива. Поспособствую решению проблемных ситуаций на работе и в бизнесе. Среди воздействий: гармонизация энергетики и отношений,

Белый приворот, отворот, отстуда, заговоры и обряды на успех и прочее. Нейтрализирую отвороты и черные привороты, обезвреживаю негативные воздействия.

Запись на прием производится ежедневно».

– Помогиня, значит. – Илья спрятал визитку в карман. Настроение его странным образом улучшилось: Далматов теперь точно знал, чем ему заняться.

Дом заметно проседал под тяжестью крыши, словно пытаясь зарыться по самый карниз в пыльную зелень газонов. Солнечные лучи «соскальзывали» с черепицы, расплывались по стенам белесыми пятнами, подчеркивая трещины и потеки плесени на них. Дом требовал ремонта, уже который год подряд требовал, но Далматов все медлил. Он отдавал себе отчет, что весьма скоро разрушения перейдут «точку возврата», и старость здания обернется агонией, затяжной и мучительной, – как для дома, так и для его хозяина. И куда милосерднее было бы разрушить все, перестроить это место, не оставив ни камня, ни тени прошлого. Но Далматов медлил.

Он прошел по пустому холлу, где слабые звуки умирали, а громкие – разносились далеко, нарушая тишину верхних этажей. Поднявшись по лестнице, Илья остановился.

Некогда холл казался ему большим, достаточно большим, чтобы затеряться в нем.

Куда все это подевалось? Никуда. Как и прежде, сложный орнамент пола все еще достаточно яркий. Массивные перила, некогда тщательно отполированные, поблекли. И свет, пробивающийся сквозь арки окон, словно вязнет в пыли. Взрывы смеха раскалывают тишину... Стены выдерживают удары басовых нот, но морщатся от высокого резкого голоса певицы... Илья четко ощущает недовольство дома – и он с ним согласен: здесь не место для музыки, во всяком случае, для музыки подобного плана.

Попросить Алиску выключить музыку?

Попросить Алиску собрать шмотье и убраться?

Второй вариант предпочтительнее первого, но – будет скандал. А у Далматова голова болит, и, значит, скандал чреват тяжкими для него последствиями. Дому придется потерпеть. Илье – тоже. В конце концов, в кабинете хорошая звукоизоляция, а также комп с выходом в Сеть; там есть бар с приличным содержимым и старый, но крепкий диван. Один лишь нюанс: это место все еще не желало признавать Илью хозяином. И всякий раз, переступая порог, он вздрагивал: вот сейчас с тихим скрипом повернется кресло – и качнется ему навстречу тень человека, который давно уже и не был человеком. Конечно, Далматов понимал, что тот, другой, мертв, а мертвецы не воскресают, пусть при жизни они и отличались изрядной активностью и... подлостью, но – поделаться с собой он ничего не мог.

И с кабинетом – тоже.

Стол. Гроссбухи. Кресло. Древний сейф. Из новых вещей – его, Далматова, инструмент. Материалы – и те приходится хранить в секретере, дверцы которого покрывает кракелюр трещин. Неудобно, но уж – как есть.

Зато звуки музыки сюда не проникают. И Алиска опасается заглядывать в кабинет, говорит, что ей здесь неспокойно.

«Оракул» в городе был один – Консультационный центр предсказаний и белой магии. Открыт восемь лет назад неким Аполлоном Венедиктовичем Кукурузиным, надо полагать, тем самым Аполлоном Венедиктовичем, который весьма некстати переступил сегодня порог кафе, где сидели Илья и Саломея. На главной странице сайта, выдержанного в строгих тонах и лишеного каких бы то ни было рисованных звезд и карт, имелись фотография основателя, а под ней – текст:

«Здравствуйте! Меня зовут Аполлон. Имя, данное мне неверующими родителями, предопределило мою судьбу...»

– Ну конечно, – Далматов хмыкнул и потер переносицу. Глаза все еще болели, но уже меньше.

В кабинете было сумрачно. Старые портьеры надежно защищали дом от солнечного света и тепла. Легче дышалось, легче думалось – так в темноте.

«...я представляю центр белой магии...»

– С черной-то никто не желает связываться. Верно? – пробормотал Илья.

Стоявший на столике зверь неясных очертаний (и породы), вырезанный из желтой мамонтовой кости, не ответил ему. На зверя имелся покупатель, но Далматов не торопился заключать сделку. Расставаться с новинкой ему не хотелось. Во всяком случае, до тех пор, пока не будет готова копия зверушки.

И, по-хорошему, именно копией и следовало бы ему заняться, но вместо этого Илья сидел на сайте «Оракула».

«...специалисты которого протянут вам руку помощи. Очень часто мы можем не заметить, как наша жизнь, когда-то бившая искрящимся потоком, постепенно начинает блекнуть и превращаться в унылое бытие. Беды и неудачи, с которыми мы сталкиваемся, отнимают у нас вкус к жизни и веру в себя. А ведь каждый из нас достоин того, чтобы радоваться, любить и получать взамен чью-то любовь, внимание, богатство и славу. Для тех, кто к нам обратился, нет ничего невозможного. Мы поможем вам найти выход даже из самой сложной и запущенной ситуации. Специалисты центра унаследовали уникальные знания магических ритуалов, обрядов, заклинаний, заговоров и приворотов и готовы решить любую вашу проблему, с которой можно справиться при помощи белой магии...»

– Душевно пишет!

Зверь молчал. Далматов подумал, что, возможно, существо это, более всего походившее на помесь медведя и свиньи, знает о магии куда больше Аполлона.

«...приворожат любимого человека, вернут мужа (жену) и восстановят мир и благополучие в вашей семье. Проведут диагностику негатива: порчи, сглаза, родовых проклятий, установят защиту. На сеансах ясновидения вы узнаете, что ждет вас в будущем...»

От чтения его оторвал скрежет двери – так эта дверь заботливо предупреждала его о неурочном посетителе – и веселый Алискин голос:

– Зайка, ты уже дома?

– Дома.

– А мы тут... с девочками сидели.

«Девочки» постоянно менялись. Поначалу Далматов честно пытался запомнить их имена, но они упорно выветривались из его головы. Аля, Ляля, Люля, Люка, Злюка... бесконечная цепочка превращений имен и – конвейер подруг. Все – одинаково загорелые, высокие и стройные.

Вот на кой хрен ему все это надо?!

И центр этот...

«В центре вы можете заказать все для здоровья и красоты! Забудьте о простом магазине косметики! Только для вас разработаны специальные магические формулы. Волшебные кремы, маски для лица и тела, эмульсии для ванн, маски для волос, духи для привлечения мужчин, лосьоны, тоники для омоложения и обретения красоты! Магическая помощь в похудении с помощью кремов, чаев, ванн и заговоров. Подход строго индивидуален, все заговаривается под конкретного человека...»

– А ты работаешь, да? – Алиска приблизилась к столу.

– Да.

– Ты много работаешь.

– Как получится.

Надо от нее избавляться. Пора. Лучше – сейчас. Или все-таки – потом? Когда-нибудь потом. Судя по блеску в ее глазах, Алиска выпила – немного, но ей хватит и этого. Она явно готова поднять бурю.

Когда и почему Далматов пропустил момент, удобный для расставания? Ведь был же договор, и он соблюдался обеими сторонами, но вдруг выяснилось, что одного лишь договора недостаточно. И Алиска словно пустила корни в старый фундамент этого дома.

– Ну вот, ты опять на меня сердисься... – она выпятила губки.

– Я работаю.

Илья поближе подвинул ноутбук, как бы отделяясь от Алиски, и честно вперился взглядом в экран. Текст радовал «искренностью» человека, сочинившего его.

«Плата за лечение до сих пор является не до конца выясненным вопросом как для целителя, так и для пациентов. Поскольку, как правило, человек страдает во всей полноте, то вместе со здоровьем ухудшается и его финансовое состояние, из-за чего некоторые пациенты бывают недовольны суммой, которую они должны заплатить в итоге. Мы знаем, что деньги – это своеобразный обмен, когда пациент отдает часть принадлежащей ему энергии взамен энергии целительской. Когда платы за работу нет вовсе или она очень низкая, этого взаимобмена не происходит, вследствие чего пациент остается должен Вселенной. И этот долг у него будут отбирать уже не деньгами, а другими видами энергии.

Бесплатно – платит бес...»

– А над чем ты работаешь? – По экрану скользнула Алискина пятерня с острыми ноготками, на них словно цвели алые маки. – Ты совсем ничего мне не рассказываешь... мы чужие друг другу!

– Именно.

– И нам надо поработать над нашими отношениями. Стать ближе друг к другу.

Она взобралась на стол и уселась на нем.

Читать сквозь ее растопыренные пальцы неудобно, но Далматов продолжал цепляться глазами за текст. Главное – не сорваться, главное...

«Обращение за помощью к целителю – утрировано – можно сравнить с тем, что, сильно загрязнив костюм, мы сдаем его в прачечную или в химчистку. Это делают лишь те, у кого есть такая возможность. Другие, не имеющие на это денег, пытаются справиться сами – строгий пост, искренние молитвы и добрые мысли очищают душу. Бесплатно никто ничего не получал и не получит, так как это невозможно в принципе. Тот, кто что-то получает, обязательно за это «что-то» нечто равноценное отдает. Если он не делает это добровольно, то у него отбирают...»

– Ты меня не слушаешь! – Алиска всхлипнула.

– Ты мне мешаешь. Потом поговорим.

– Потом? Когда – потом?! Все время «потом»... ты меня игнорируешь!

Но руку она хотя бы убрала с экрана.

Надо читать дальше. Держаться! Алиска сейчас уйдет. Она не умеет долго рыдать. Это же достоинство? Она пустоголовая, но не вредная. И – нельзя ее бить.

«Одна пациентка попросилась: лечиться бесплатно, она была предупреждена. В ответ она сказала: «Да пусть у меня заберут все, что угодно, – и добавила: – У меня все равно ничего нет». Она благополучно излечилась, а через несколько недель разбила в аварии машину, при этом еще и получила перелом бедра.

Читайте Евангелие. О необходимости отработки, о плате за лечение говорил и сам Христос:

«И тотчас проказа сошла с него. И он повелел ему пойти показаться священнику и принести жертву за очищение свое»¹.

¹ «Ев. От Луки», гл. 5, ст. 13, 14.

– Ты... с тобой вообще невозможно разговаривать, – вздохнула Алиска и слезла со стола. – Ты ничего не хочешь! А над отношениями надо работать. Все так говорят...

– Все, значит? – Далматов закрыл ноутбук. В голову ему пришла совершенно безумная и довольно-таки неожиданная мысль. – Ну, если все, тогда – да, это правда. Скажи-ка, милая, ты в магию веришь?

– В белую?

– Конечно, в белую.

Она кивнула и осторожно поинтересовалась:

– Ты погадать хочешь, да?

– *Ты* хочешь. Погадать хочешь. Очистить свою ауру. И наладить отношения. Я знаю одно очень хорошее место...

Глава 3

Дела давно минувших дней

Домой Саломея вернулась под вечер, в весьма смятенном состоянии духа. Эта встреча... и – прогулка по городу, без цели, без плана. Разговор, который то обрывался, то продолжался, ветвясь случайными фразами:

- А ты помнишь...
- Помню... и еще – тогда, когда уехал и...
- ...чем занимаешься...
- ...все тем же... а ты?

Слова, слова, слишком много слов, которые словно сетью оплетают сознание Саломеи.

Бабушка ведь говорила: старую пьесу наново переиграть, конечно, можно, но суть ее от этого не изменится. А мама требовала – немедленно выбросить всякие глупости из головы. И папа, который ничего не говорил, но самым молчанием своим мамину мысль поддерживал: и вправду, глупости это, Саломея.

Тебе ведь не шестнадцать лет уже. И даже не восемнадцать.

А ты все принца ждешь. Дождалась – на свою голову.

И картинка – куда как романтичная! Набережная. Узкая река в бетонных берегах, время от времени разрывающихся песчаными пляжами. Яркие зонтики. Яркие полотенца. Яркое, слепящее солнце. В теплой воде плещутся люди и утки, уже не обращающие внимания друг на друга. Ползут по водичке катамараны.

Воркуют у самых ног голуби.

– ...я не хочу с тобой расставаться. – Пальцы – к пальцам, тепло – к теплу. И страшно разрывать этот мостик из двух рук, слишком робких, чтобы позволить себе нечто большее, нежели этот хрупкий контакт. – Мы ведь увидимся?

– Да... не знаю. А ты хочешь этого? – Саломея боится услышать его ответ.

– Хочу. Всегда хотел. И нам надо серьезно поговорить.

Саломея боится и этого разговора... и того, что его вдруг не будет.

– Я должен все тебе объяснить. – Аполлон вздыхает так громко, что голуби умолкают. – Я очень хочу все тебе объяснить. И чтобы ты меня простила.

– Я... я простила. – Это ложь с ее стороны. Но если сильно-сильно в нее верить, то она станет правдой.

– И ты не думала, что мы могли бы... попробовать снова?

– Не знаю.

Снова – ложь. Слишком много для одного вечера – а уже вечер наступил? – но Саломее ничуть не стыдно.

– Просто попробовать. Дай мне шанс. Пожалуйста!

И как можно было отказать ему?

Сейчас, в квартире, нагретшейся за день, в душной и такой тесной, этот разговор кажется ей ненастоящим. И Саломея, не находя покоя, меняет одну комнату на другую, ходит туда-сюда, разрушая то слабое подобие порядка, которое еще сохранялось в ее жилище. Ей и странно, и страшно, и... она счастлива.

Не об этом ли она мечтала?

Тогда почему руки у нее так дрожат? И откуда взялись слезы? Саломея их сдерживает, но еще немного, и – она разрыдается, как в тот раз... только сейчас никто не будет стучать в дверь ванной комнаты, требуя, чтобы она немедленно открыла и объяснилась.

Она одна.

Звонок в дверь застал Саломею в кухне. В одной руке она держала батон, в другой – почему-то шлепанец. Очнувшись, она с некоторым удивлением посмотрела на эти предметы, потом положила их – на стол – машинально. Там уже лежали старая панамка и палка колбасы. Направилась к двери. Звонок все дребезжал, и на его звуки визгливым лаем отзывалась соседская собачонка. А на собаку кричали люди, требуя заткнуться немедленно.

Шумный бестолковый мир продолжал жить собственной жизнью.

– Привет, – сказал Далматов, убирая руку с кнопки. – Ты обещала позвонить.

– Я забыла.

– Ну да. Конечно. – Он не стал дожидаться ее приглашения, вошел и, прикрыв дверь, дважды повернул ключ в замке. – Ты одна?

Саломея кивнула: одна. И хотела бы и дальше в одиночестве остаться, во всяком случае, на сегодняшний вечер. Ей надо хорошенько все обдумать.

– Замечательно. Поговорим, – Далматов, определенно, не собирался уходить. Он развернул Саломею и подтолкнул ее в коридор, ведущий в кухню. – Чаю попьем...

– Я не хочу.

– Тогда кофе.

– Уходи!

– Потом. Позже. Ты насколько хорошо своего дружка знаешь?

А ему какое дело? Ну конечно, Далматову любопытно. Но Саломея не обязана удовлетворять его любопытство. И вообще, пусть убирается к своей Элис-Алисе, или как ее там, мечтающей стать не то манекенщицей, не то актрисой.

– Спокойно. Все будет если уже и не хорошо, то – интересно. Садись. Ты не обедала?

Кажется, были на их с Аполлоном пути какие-то кафе, но есть ей тогда не хотелось.

– И не ужинала, полагаю? Сейчас мы это исправим. Разговаривать лучше на полный желудок. Еда вообще способствует взаимопониманию.

Далматов скинул шлепанец со стола на пол, убрал панамку, переставил на подоконник горшок с кактусом – кажется, Саломея собиралась его полить, но потом забыла. Илья вообще вел себя в ее кухне по-хозяйски.

Аполлон никогда не позволил бы себе подобной наглости. Он очень тактичный человек. Мягкий.

И – жестокий. Нельзя забывать об этом.

Но он не нарочно! Обстоятельства так сложились.

Далматов проинспектировал содержимое холодильника и кухонных шкафчиков, хмыкнул и поинтересовался:

– Пиццу будешь? Будешь, – тут же ответил он за нее.

Он заявил это раньше, чем Саломея успела ему возразить, что пицца крайне вредна для фигуры, – удивиться: ведь прежде такие вещи ее не волновали. Он заказал пиццу на дом.

– Итак, – Далматов подвинул стул и уселся верхом, положив на его спинку руки. – Повторяю вопрос. Насколько хорошо ты знаешь этого типа?

– Хорошо знаю. Мы... мы были вместе.

Илья от ее признания отмахнулся:

– Это я уже и сам понял. Я про другое. Что он за человек?

Хороший. Добрый. Умный. Проницательный. Тонко чувствующий и...

– Ау, дорогая! Очнись. Он – мошенник.

– Врешь!

– Бывает, и вру, – не стал отрицать Илья. – Но не в этом конкретном случае. Аполлон Венедиктович Кукурузин. Тридцать восемь лет...

Разве его возраст так уж важен? Бабушка говорила, что важен, что мужчина должен быть старше женщины, конечно; но если он намного старше, то ничего не получится. А на двенадцать лет – это намного или еще не очень?

– Он же Магистр белой магии! Целитель. За умеренную плату готов помочь людям стать любимыми, счастливыми и здоровыми.

Аполлон? Маг? Целитель?..

– У него даже свой центр консультационный имеется. Лучшие маги, гадалки, ворожеи примут вас – семь дней в неделю подряд. По предварительной записи.

Далматов раскачивался на стуле, спинка его поскрипывала. Этот негромкий звук буравчиком ввинчивался в череп Саломеи, разрушая очарование этого дня.

– К слову сказать, с фантазией у него слабовато. Если он – Аполлон, то обязательно – «Оракул». Но думаю, что народу это нравится. Центр не так давно переехал в новое здание. Два этажа занимает. И они третий этаж планируют «взять». Под школу. Экспресс-курсы для развития способностей! А желающих, как понимаю, – толпа.

– Прекрати!

Центр. Курсы. Гадалки и ясновидящие. Бабушка умела раскидывать карты, хотя и не любила этим заниматься, приговаривая, что о будущем спрашивать – лишь себя тревожить.

– Он переманил к себе всех, кто более-менее известен. Еще немного – и монополистом станет в этой области.

– И... и что?

Действительно, и что с того? Саломея ведь знает, что не все гадалки – лгуны. И что видеть скрытое – возможно. И что у нее самой на визитках написано: «Парапсихолог».

– А знаешь, что интереснее всего? – Далматов вытянул сцепленные в замок руки. Неприятно хрустнули суставы. – Его популярность растет. И репутация у центра почти безупречная. А знающие люди говорят, что предсказания Аполлона почти всегда сбываются. Правда, лишь в течение последнего года.

– Но это ведь замечательно!

– Нет, Лисенок! Не замечательно. У подобных заведений не бывает безупречной репутации. И предсказывать будущее с такой достоверностью человеку не дано.

И тут принесли пиццу. Илья вышел в прихожую.

Саломея была благодарна курьеру, который отвлек Далматова и дал ей передышку. Минута одиночества – это много, когда надо подумать о важных вещах. Мысли ее были сумбурными, суматошными.

Аполлон – и центр?

Он говорил, что бизнес у него – специфический, творческий.

Аполлон – и предсказания?

Раньше он не верил в карты Таро, в хрустальные шары и костяные руны, которые Саломея выкрала из дома, желая доказать ему... что доказать? Она уже не помнила.

Люди меняются. Аполлон – не исключение. Он обрел дар предвиденья? Или Далматов прав, и Аполлон – мошенник? Успешный бизнесмен, которому удалось объединить других людей, одаренных даром предсказания? Человек, нуждающийся в помощи?

Кто же он? И кто ему – она, Саломея?

Пока что ясно одно: Далматова все происходящее уж совершенно точно не касается! И лучше бы ему уйти сейчас, но Илья вряд ли согласится на это.

Он вернулся из прихожей с коробкой и поставил ее на стол.

– А вот и ужин. Тебе чаю или кофе?

– Компоту.

– Не злись, Лисенок. Я же просто хочу помочь.

Бескорыстно? Плохо в это верится. Но Саломея смолчала. А Далматов, поставив чайник, достал тарелки, вилки и пачку бумажных салфеток, которые не так давно Саломея искала и не нашла. Вот они где лежали, выходит... Есть ей не хотелось. Запах пиццы – грибы, лук, сыр, – вызвал тошноту, а вид «продукта» и вовсе был отвратительным. Но Далматов точно не уберется из ее дома до тех пор, пока Саломея не съест хотя бы кусочек.

– Первая любовь – это еще та зараза, – доверительно сказал Илья. – Хуже только внесезонное ее обострение.

Он насыпал в кружки заварку, залил ее кипятком, расплескав воду на не слишком чистый стол.

– Ешь. Пей. И рассказывай.

– А ты влюблялся?

Пицца была горячей и какой-то влажной. Сыр тянулся длинными нитями, прилипавшими к пальцам. И Саломея упорно боролась с искушением отправить кусок пиццы в мусорное ведро, вымыть руки и выгнать Далматова из своей квартиры.

– Было дело.

– В кого?

– Пей, – он поставил кружку перед Саломеей. – Ты ешь – я рассказываю. Потом – наоборот. Честная сделка?

Пожалуй. А пицца-то горчит, не очень сильно, но явственно. Из-за лука? Из-за грибов? От неизвестной приправы, которую слишком щедро добавили? Нельзя сказать, что горечь эта неприятна. Скорее, Саломея вдруг просто осознала, насколько она голодна.

Далматов развернул стул. Сел, сторбившись, упершись локтями в стол. В руках Илья вертел мельхиоровую ложечку, которая так и норовила выскользнуть из его пальцев.

– Звали ее... а и не важно, как ее звали! Обыкновенно. Она была старше меня и, как я теперь понимаю, умнее. Тогда мне все виделось иначе.

Саломея подумала, что не представляет его влюбленным. И вообще, способным испытывать привязанность к чему или к кому бы то ни было. Разве что к дому, куда он ее не приглашает, а без приглашения Саломея в гости ходить не приучена.

– Хорошая, в общем, была женщина. Порядочная. Ну, относительно. Учила меня французскому. По официальной версии. На самом деле, мой папаша слишком обленился, чтобы ездить к любовнице. А в доме места хватало. Главное, предлог найти – приглашать кого-то. Он и нашел. Французский... на кой он мне сдался? А она была хорошая. Хорошенькая. Волосы светлые, подбирала она их высоко. Ей шла такая прическа. Шея длинная, сережки в ушах жемчужные. Сядет у окна с книгой, читает. И так, знаешь, губу покусывает, что не подглядывать – невозможно. Чисто – ангел.

Наверняка Далматов все это придумал. Ему что-то надо от Саломеи, вот он и сочиняет «историю».

– Я сначала просто на нее смотрел. Изучал. Пытался понять: что же она нашла в этом уроде?

– Деньги? – предположила Саломея.

– Я тоже так думал. Деньги. Страх. Что еще могло их связывать?

– А твоя мать? Как она...

– Никак, – Далматов перебил ее. – Знаешь, с людьми случается... добровольная слепота. А она и прежде предпочитала не видеть ничего. Не слышать. Не понимать. Каменная мартышка!

– Ты злишься?

Злится. И, значит, в чем-то говорит правду. А потом он потребует рассказа и от Саломеи, чтобы – по-честному.

– Потом было признание в любви. И предложение: бежать. Я готов был спасти ее от отца. Я рассказывал ей, какое он чудовище. Она не верила. Думала, что я ревную. Закончилось все глупо донельзя. Я отправился к нему. Потребовал освободить ее. Мне казалось, что я просто не понял, чем же он ее держит.

– Она его любила, да?

– Идиотка, правда?

– Ты просто ничего не понимаешь в любви. – Саломее вдруг стало обидно за ту женщину, чье имя он ей не назвал.

– Так Расскажи. – Далматов подвинулся поближе. – Если ты это знаешь.

Глава 4

Несколько слов о любви

Саломея совершенно точно знала, на что похожа любовь – на кленовый лист, прилипший к подошве, на влажные отпечатки в земле и на осеннюю стылую грязь. На седые космы дождя, что затянули окна, и на холод пустого коридора. На пластиковый стаканчик с горячим чаем. Его не хочется пить – вкус на редкость омерзительный, но – просто держать в руках, позволяя теплу напитка переходить в ладони, а оттуда – к самому сердцу, согревая этот оледеневший комок мышц.

До окончания пары – четверть часа, и Саломея, устроившись на широком подоконнике, ждет. Ей скучно просто сидеть и ждать, и она качает ногой, пытаясь стряхнуть с подошвы кленовый лист. Некогда он был красным и чуточку желтым, с крупными выпуклыми жилками, но теперь – истерся.

Дождь барабанит о цинковый подоконник. Мелодия дождя – или мелодия в дожде?

– Вы потерялись? – спрашивают у Саломеи, и она вздрагивает, не столько от страха или неожиданности, сколько потому, что никак не вяжется этот теплый бархатистый голос с холодной осенью.

– Простите, если напугал, но у вас очень уж потерянный вид.

– Я жду. Подругу.

Саломея подслеповато шурится. В коридоре мало света, и она никак не может разглядеть человека, стоящего не совсем рядом с ней, но достаточно близко, чтобы начать беседу.

– Давайте ждать вместе? – предложил он.

– Давайте. Хотите чаю? Он из автомата и невкусный, но еще горячий.

– Хочу.

На темных волосах его блестела влага. А синие глаза смотрели дерзко, и Саломея смутилась, но не отвела взгляд, словно опасаясь разорвать некую невидимую нить, протянувшуюся между ними. И с каждой секундой – старые часы словно пустили стрелки бегом – нить эта крепла.

– Саломея, – произнесла Саломея, чувствуя, как пылают ее щеки.

Холод отступил. И дождь за окном вдруг умолк. Сквозь серое стекло пробилось солнце, окружив и ее, и его коконом света.

– Аполлон, – он ответил, улыбаясь. – Похоже, у нас с вами общая беда – родители с фантазией.

Саломея рассмеялась – глупо, как смеются только влюбленные, неспособные сдержать радость.

– Ты веришь, что имя предопределяет судьбу? – спросил Аполлон, протягивая ей руку.

– Нет. Да. Не знаю пока что.

Его ладонь – надежнее всех ладоней. И якорь. И причал. И точка опоры. И рычаг, с чьей помощью она способна перевернуть мир.

– И я не знаю. Слушай, а ты очень сильно хочешь... дождаться?

До звонка оставалось минуты три или всего даже две. Ждать-то недолго, но что потом? Встреча с подружкой? Прощание с Аполлоном? Или, в лучшем случае, прогулка втроем. И Саломея будет третьей – лишней – всегда получалось именно так. Но не сегодня!

Не сейчас!

– Давай убежим, – предлагает она, крепче сжимая его руку.

– Давай.

Любовь похожа на узкие лужи, что вытянулись вдоль бордюров, преграждая ей путь. И Аполлон, подхватывая Саломею на руки, переносит ее на другую сторону.

У любви – запах дыма и жареных сосисок. Желтые глаза-окна домов. И белые флаги занавесок в его квартире. Окно в кухне открыто, тянет холодом. Саломея вдруг пугается того, что все слишком уж быстро происходит. И надо бы маме позвонить... она волнуется.

Она потребуует – вернуться домой, а Саломея не в состоянии расстаться с Аполлоном. И она закрывает окно, отжимает занавески – ситцевые, пропитавшиеся дождем. Вода льется на разбухший подоконник, и старая краска слезает с него, как корка с незаживающей раны.

В его квартире одна комната. В ней беспорядок – кровати две, и обе разобраны. Одежда грудой лежит в кресле. Табурет. Сервант. Напольная ваза с сухими палками рогаза.

Холодильник почти пуст, но есть ей не хочется.

Книг много. Лежат везде, стопками и просто так, брошены – небрежно, с раскрытыми, заломанными, а часто и заляпанными страницами.

– Извини, – Аполлон вдруг краснеет. – Мы тут с приятелем... снимаем квартиру. Так дешевле.

– А я с родителями живу, – признается Саломея – и прикусывает язык, с которого готово сорваться приглашение. Родители ее не поймут... или поймут?

В их доме ведь хватит места.

– Лет-то тебе сколько? – Он вдруг отступает, и нить, волшебная нить, готова оборваться.

– Восемнадцать, – врет Саломея.

И ей ничуть не стыдно.

– Дальше что? – тон Далматова нейтрален. Он отвернулся. Сидит, разглядывает занавески с отрешенным видом, почесывает щеку. Уже докрасна расчесал.

– Ничего. Мы... мы подходили друг другу. Понимаешь?

– Нет.

– Это сложно объяснить...

– А ты попробуй.

Далматов злится? С чего бы?.. Да какая разница?

Были дни – такие короткие, такие сумеречные. Но Саломея впервые хватало солнца, ведь рядом с ней был Аполлон. Правда, родителям он пришелся не по вкусу.

– Он тебе не подходит, – заявила мама, когда, наконец, успокоилась и простила Саломею за ту бессонную ночь. Они с отцом волновались.

Места себе не находили.

Они не думали, что Саломея способна так поступить с родными! Разве они от нее многого хотели? Нет! Просто – позвонить. А она – забыла.

– Себя вспомни, – проворчала бабушка, скосив глаза на папу, который сидел у окна и делал вид, будто увлечен чтением газеты. – Тоже, небось, хвостом крутанула, и все... а потом пришла – мама, познакомься!

– Действительно, – мама меняет тон. – Ты бы познакомила нас, деточка. Пригласи его в гости...

Саломея приглашает. Ей кажется, что, встретившись с Аполлоном, родители изменят свое к нему отношение. Разве можно не любить его? Он умный. И тактичный. И, когда он улыбается, на его щеках проступают ямочки. У него в гардеробе три рубашки и пять галстуков. Два костюма, которые хоть и стары, но опрятны. Аполлон чистит их каждый вечер.

Он готовит яичницу в сковороде с кривым дном и умеет печь оладьи. Он знает древнегреческий и латынь, немного говорит по-испански и мечтает найти свою Трою. Аполлон вот-вот защитит диссертацию по эволюции солярных аспектов мифологии Аполлона или как-то так... они – связаны, Аполлон и забытый греческий бог. Впрочем, тот, другой, был несчастен в любви.

А нынешний будет счастлив с Саломеей. И родители все поймут.

Вот только он не пожелал идти в гости.

– Извини, моя маленькая нимфа, – сказал он, целуя ее раскрытую ладонь. – Но я не думаю, что это хорошая идея.

– Почему?

– Потому.

Саломея испугалась, что он ничего ей не объяснит, но Аполлон вздохнул и произнес:

– Они решат, что я тебе не подхожу. И разлучат нас. А я не желаю тебя терять.

– Они хорошие!

– Конечно, хорошие. И намерения у них будут самыми благими. Посмотри, кто я? Нищий историк с неясными перспективами. Кому сейчас нужны Дельфы? Или Греция? Даже после защиты ничего не изменится. Я не стану богатым и успешным, потому что мне не нужны богатство и успех. И они не позволят тебе прозябать бок о бок с посредственностью.

Он был не прав, но Саломея не знала, как донести до Аполлона правду. И решила пере-ехать к нему. Так ведь будет лучше, верно? Всегда – вместе. Каждую минуту. И чтобы сердца бились в одном ритме, и дыхание – одно на двоих. А он – вновь ответил ей отказом.

– Но почему?! – Саломею душила обида.

– Во-первых, у меня есть определенные обязательства, – Аполлон указал на кровать, которая стояла рядом со шкафом, стыдливо прикрытая его распахнутой дверцей, словно ширмой. – Мы вместе нашли эту квартиру, что было нелегко. Я не могу заявить человеку, что отныне здесь будешь жить ты.

Саломея, которая еще не разу не видела таинственного соседа Аполлона, разозлилась. Неужели тот, другой человек, важнее Саломеи?

– Во-вторых, – продолжил Аполлон, – я не могу позволить тебе жить здесь. Оглянись!

Саломея оглянулась, но не увидела ничего нового. К беспорядку она привыкла. Отошедший от стены лист обоев приклеила. А мышь, которая явно обитала в этой квартире, благо-разумно не подавала признаков жизни.

– Теснота. Нищета. Грязь. Ты достойна лучшего.

– Но я готова...

– Пойти со мной на другой берег Стикса? Извини, но я не готов принять эту жертву.

Нельзя сказать, чтобы Саломея смирилась. В то время она очень плохо умела смиряться, поэтому плакала, уверяя, что она готова – готова на любой подвиг. Аполлон же вытирал ей слезы и мягко, но настойчиво отказывал.

Он и ключа-то от квартиры ей не дал.

– Если бы здесь жил только я...

– Но ведь его никогда нет! – Саломея возненавидела этого незримого, но такого мешающего их счастью человечка.

– Просто он очень тактичен. И позволяет нам побыть вместе. Но нехорошо пользоваться этим слишком часто.

Это упрек? Нет, конечно же, нет. И Саломея проглатывает обиду. Она не умеет злиться долго.

– Мы обязательно будем вместе, – обещает Аполлон, и эти слова надежнее тысячи клятв. Саломея верит ему.

Осень проходит, как в тумане. Зима пролетает быстро, как солнце по небосводу. И вот уже колесница Феба взмывает омытое дождями небо, приветствуя весну.

И лето приходит за ней.

Любовь продолжается. Бусины встреч на жесткой нити ожидания. Саломея похудела на семь кило и обрезала челку. Она подумывала осветлить волосы, но так и не решилась, ведь Аполлону нравятся рыжие. Он говорил, что это солнце ее пометило.

– Ну да, – Далматов подпирает спиной холодильник. Его темная фигура резко выделяется на фоне окна, за которым тоже темно.

Ночь наступила, а Саломея и не заметила? С ней случаются приступы рассеянности, особенно в сумерках. Желтый лютик, слепота куриная, нельзя срывать, иначе семь лет в сумерках ходить будешь...

Саломея этого не знала – и сорвала.

– Все закончилось плохо? – Илья приоткрыл створку окна, впуская горячий вечерний воздух.

– Скорее, неожиданно.

И очень больно.

Конец июня. На липах – золотистые шары цветов, невзрачных, но ароматных. Пчелы гудят. Осы ползают по винограду. И ленивый продавец изредка взмахивает газетой, больше для порядка, чем в надежде разогнать эту крылатую стаю.

И над площадью стоит туман. Он ползет со стороны заводских районов, сырой, тягучий, пованивающий серой. Запах этот перебивает аромат лип, и Саломея морщится.

Позже она решит, что туман пришел из заповедья, был он таким предупреждением, которому Саломея не вняла. Она сидела, опираясь на серый парапет, глядела на дорогу, считая проезжавшие машины.

Синий автомобиль. Красный. Зеленый. Белый, запыленный. И черный, с посеребрившим кузовом.

Время тянется. Аполлон опаздывает. С ним случается такое порой – он забывает о назначенных встречах. Это ничего. Он ведь занят и спит мало, работает над диссертацией. И статьи пишет. И еще – дипломы за тех, кто сам не в состоянии их написать. А еще и Саломея.

И она смиренно ждет.

Он появился со стороны автостоянки. Саломея сразу его узнала, да и как не узнать, если Аполлон – один такой! Саломея замахала руками, сдерживаясь, чтобы не закричать. Хотелось смеяться, броситься ему на шею, обнять, поцеловать, закружить – просто так, без повода.

– Привет, – сказал Аполлон, озираясь по сторонам. – Пойдем. Нам надо поговорить.

Он взял Саломею под руку, но не как обычно, а как-то жестко, и потянул ее прочь от кафе.

– Посидим. Поговорим. Я заплачу!

Саломея почти всегда платила за двоих. У нее были деньги, а у Аполлона – нет. А пара – это ведь когда двое. И, значит, все, что принадлежит Саломее, так же точно принадлежит и Аполлону.

Она не раз и не два говорила ему об этом.

– Идем, – повторяет Аполлон. Он идет быстрым широким шагом, и Саломее неудобно поспевать следом за ним. Она надела туфли на каблуках, которые оказались ужас какими неустойчивыми.

– Подожди...

– Идем. – Он не желал слушать. Тащил Саломею вдоль парапета. Сбежал по выщербленной узкой лесенке и, остановившись в тени двух старых кленов – их ветви переплелись так, словно бы деревья цеплялись друг за друга, – выпустил руку Саломеи.

– Извини, – сказал Аполлон, хотя в тоне его не было ни капли раскаяния.

– Ничего.

Она пыталась отдышаться и успокоить желудок – почему не сердце? – в котором вдруг из ниоткуда возник ледяной ком. И этот ком надо было во что бы то ни стало растопить, пока...

– Я давно собирался тебе сказать...

Между кленами начиналась дорожка. Некогда эта часть города была парком, но потом качели куда-то исчезли, фонтан разрушился, а от былых огромных площадей город отгрыз пару-тройку кусков. От парка остался десяток деревьев и неряшливая лента кустарника, сквозь который пробивалась старая матерая крапива. Плети ее свисали на дорожку, и огромные – ладонью не прикрыть – листья ждали беспечного прохожего.

Например, Саломею.

Аполлон шел по дорожке, слишком узкой для двоих. И Саломее оставалось лишь брести следом, глядя на его спину. Широкая спина. И красивая. Сквозь белое полотно рубашки просвечивает загорелая кожа. Между лопатками – влажное пятно. А над ремнем брюк – складки, некрасивые.

И нитка красная прилипла к белой ткани. Саломея уставилась на эту нитку, не в силах отвести взгляд.

– Наверное, ты сочтешь меня подлецом, но... я женюсь.

– Когда?

Она так растерялась, что задала вопрос раньше, чем поняла смысл сказанного Аполлоном.

– Через две недели.

Женится? Он – женится?

Аполлон развернулся, вздохнул громко и повторил:

– Через две недели я женюсь. Я должен.

– А... а я?

Саломея все еще не верила. У нее кружилась голова, в глаз попала соринка, и Саломея моргала, моргала, но... становилось только хуже.

– Ты молода. Твоя жизнь только-только начинается. – Аполлон говорил эти ничего не значащие слова успокоительным тоном. И в какой-то миг Саломея просто перестала его слушать. Она смотрела на его губы, запоминая их движения. Потом, позже, ее будут мучить кошмары – темная фигура на фоне кружевной листвы, белое пятно лица и губы: они шевелятся, а Саломея не слышит слов.

– Я... я тебя люблю, – только и сумела ответить она.

– Прости.

– Я люблю тебя! – Саломея вцепилась его в руку. – Я тебя не отпущу... не отдам...

– Ты все драматизируешь, милая, – он легко освободился и отступил на шаг. – Да, у нас были какие-то отношения...

Какие-то? Саломея точно знает, как они назывались!

– И мне казалось, что я не давал тебе авансов на... – Он взмахнул рукой и, задев за листья крапивы, скривился, зашипел от боли. – Конечно, мне следовало покончить со всем этим раньше, но я не хотел тебя ранить.

За что он так?

– Кто она? – для Саломеи это стало вдруг очень важно: узнать, кто та, другая женщина, которую Аполлон готов назвать женой? Наверняка она лучше Саломеи. Чем?

Более красива? Умна?

Образованна?

– Для тебя же будет лучше, – сказал Аполлон напоследок, – забыть обо всем.

Как будто это так просто! Саломея не помнила, как вернулась домой. Был вечер? Кажется, вечер. Окна стояли нараспашку, и стрекот кузнечиков разносился по дому. У реки надрывались соловьи. И бабушка завела свой патефон.

Саломея заперлась в ванной.

– Мне казалось, что жить больше незачем. Что это просто не получится – без него. И если так, то... бритву в руки – и по венам. Или таблеток съесть побольше. В бабушкиной аптечке их было множество, наверняка нашлись бы такие, которые... ну, ты понимаешь.

– А мне хотелось кого-нибудь убить, – признался Далматов. – Отца. Ее. Но совершенно точно – не себя.

– Мама меня остановила. Она начала петь... у нее был хороший голос, оперный. И вот я сижу в ванной комнате, а она поет... «Сердце красавицы склонно к измене». Трам-пам-пам. Слышно было хорошо, даже чересчур хорошо: как будто она прямо за дверью стоит – и поет. И я подумала, что это нечестно по отношению к ним. Я умру, а они как же? Бабушка расстроится, а у нее сердце и мигрени. Мама перестанет улыбаться. Она очень красивая, когда улыбается. Это ведь неправильно – думать только о себе.

– Ну... не сказал бы, но ладно. Ты его еще любишь?

Если бы Далматов задал ей этот вопрос днем, где-нибудь между прогулкой по набережной и летним кафе, в котором подавали мороженое в пластиковых вазочках с рифленным краем, Саломея знала бы ответ. А сейчас? Что изменилось, кроме прошедшего времени?

Глава 5

Аполлон и музы

Любит – не любит. Плюнет – поцелует. К сердцу прижмет... куда подальше пошлет. Нарисованная на витрине ромашка плохо подходила для гадания, да и само это занятие следует признать весьма глупым. Далматов смотрел на ромашку, за которой маячило собственное его отражение в мутном стекле. Ночью дышалось легче, но жара не спала – лишь отступила, позволяя городу зализать раны. Остывал асфальт, и камень поскрипывал, отдавая тепло воздуху.

В салоне машины воняло Алискиными духами и разогретой кожей. И Далматов распахнул дверцы, позволяя воздуху вынести вон эти запахи. Хотел включить кондиционер, но передумал. Откинувшись на сиденье, он прикрыл глаза.

Надо было хорошенько подумать.

Аполлон Венедиктович Кукурузин за своей спиной имел уже три брака.

Первая его супруга, надо полагать, та самая, потеснившая «рыжую-бесстыжую» с поста-мента любви, звалась Татьяной. Была она на восемь лет старше избранника, имела собственную четырехкомнатную квартиру в центре города, а также небольшой, но крепкий бизнес.

Далматов видел ее фотографию – обычная, не слишком красивая женщина, с крупными чертами лица. Нос с горбинкой. Родинка у левого глаза. И сами глаза: светлые, невыразительные. Короткая шея. Широкие плечи. По-мужски крепкая, тоже невыразительная фигура.

Брак их продержался два года. А потом Татьяна скоростижно скончалась, оставив все движимое и недвижимое имущество любимому супругу. Возмущенные родственники подали иск, но дело проиграли. Бронхогенная карцинома – серьезный повод, чтобы расстаться с жизнью.

Во второй раз Аполлон женился четыре года тому назад. Как раз совпадает с продажей бизнеса, который твердо вознамерился «уйти» вслед за хозяйкой. Новая его избранница была копией Татьяны – старше Аполлона, состоятельна и удручающе некрасива. Эмма владела небольшим заводиком по переработке отходов. Деньги она считать умела. Мужа не баловала. Себя – тоже. Работала за двоих – и доработалась до нервного срыва, плавно перешедшего в глубокую депрессию. А там выяснилось, что с психикой дама давно не в ладах, и для ее же блага, вопреки ее желаниям, Эмма была помещена под врачебный надзор.

Аполлон оформил опеку. Развелся.

Бизнес продал, вложив деньги в Центр предсказаний и коррекции кармы.

А потом – женился вновь.

Нынешняя госпожа Кукурузина была пятидесяти восьми лет от роду, имела двух взрослых детей и сеть забегаловок быстрого питания, которые – в отличие от детей – приносили ей стабильный доход. На данный момент Рената Сергеевна пребывала в добром здравии, сходив с ума она тоже не собиралась. Более того, ей удалось стать совладельцем «Оракула», и именно при наличии этой дамы – сухокостной, мертвоглазой – Центр стал приносить доход. А если так, то разводиться Аполлон Венедиктович – с его-то корыстолюбием! – не рискнет.

И что остается? Скоротечный роман на старых дрожжах?

Или...

Далматов отчаянно пытался придумать хоть что-то, что поместилось бы за этим «или», поскольку от мыслей об этом романе у него сводило челюсти. Так ничего и не придумав, он собрался было уехать, но тут во двор вползла машина. Эта был самый обыкновенный автомобиль, которых в городе сотни или тысячи – кузов седан темного окраса и усредненных очертаний. Появление его во дворе вряд ли можно было бы считать чем-то удивительным, если бы не одна деталь, которая заставила Далматова осторожно выскользнуть из своего джипа. Води-

тель не дал себе труда включить свет, ближний ли, дальний ли, хоть какой-то, а во дворе было достаточно темно. Но машина кралась в этой темноте, словно пряталась в ней.

Она остановилась у подъезда Саломеи. Резко хлопнула дверь, и звук этот далеко разнесся в ночной тишине. Далматов пошел к подъезду уверенным шагом человека, которому не раз и не два приходилось преодолевать путь от крохотной стоянки до серой двери, изукрашенной царапинами и надписями.

Илья опасался, что водитель машины сбежит, но тот посторонился, пропуская Далматова. Благо, в кармане его лежали украденные ключи – Далматов искренне собирался вернуть их владелице, когда сделает дубликаты.

– А вы к кому? – поинтересовался Илья, поднеся «таблетку» магнитного ключа к считывающему устройству.

Домофон мигнул, пискнул. Дверь открылась. А человек в спортивном костюме буркнул:

– К себе. С женой поцапался. И ключи забыл. Думал, до утра во дворе проторчу, а тут – ты.

– Повезло, значит, – Далматов посторонился, пропуская этого «нового знакомого».

– Точно. Повезло.

Высокий. В спортивном костюме с лампасами, в кедах – дешевых, в черной бейсболке, надвинутой на самые глаза. И лица не разглядеть в этой густой тени, так, что-то «черненькое белеется».

Далматов вошел следом за ним и нажал на кнопку вызова лифта.

Незнакомец воспользовался лестницей. Ступал он тихо, по-кошачьи, но на пролете остановился, думая, что эта его остановка не будет замечена Ильей. И Далматов подыграл ему. Он принялся насвистывать какую-то мелодию, первую, пришедшую ему в голову.

На третий, значит, идет...

Лифт пришел. Открылась и закрылась дверь, Далматов поехал на седьмой. В кабине подмигивали лампы, терпко пахло духами. Скрежетали тросы. Остановившись, лифт нехотя распахнул дверцы. Илья очутился на незнакомой площадке, к счастью, лишенной освещения.

Здесь было легко спрятаться.

Далматов снял ботинки, ключи положил в карман. Спускался он осторожно, стараясь дышать тихо, а двигаться – еще тише.

Шестой этаж. Что-то щелкнуло, и лампа погасла. Все лампы погасли, впуская в подъезд темноту. Третий этаж, значит? Поругался с женой, да?

Пятый. Окна приоткрыты, из них тянет холодом. Глаза его привыкают к темноте.

Ниже. Тише...

Еще пролет. Слабый свет, словно запертый в склянке. И человек, сидящий на корточках перед дверью квартиры. Он не пытается взломать замок, ему вовсе не интересна ни дверь, ни то, что за ней скрыто. Ему хватает площадки. Тряпичный коврик отодвинут в сторону, и человек, сопя от напряжения, что-то чертит на полу, подсвечивая себе зажатый в зубах фонариком.

Далматов поднялся на один пролет и, присев, изготовился – ждать. Вряд ли ожидание будет долгим.

Человек отложил мел и достал из кармана белое махровое полотенце. Раскатав ткань поверх рисунка, уселся на него. Из сумки появилась банка с чем-то желтым, некая плашка и свеча, которую он аккуратно установил в центре площадки.

– Альмет колд кольцо, мет кольцо совенид...

Свеча горела ровно, но неярко. А человек, скукожившись, что-то торопливо писал на клочке желтой бумаги. Затем обмакнул бумажку в емкость с маслом.

– Репете мед репет, поум мидаид...

Бумага вспыхнула, опалив пальцы просящего о чем-то неведомом, и голос его дрогнул:

– Свами лой свами сан совени...

Он перевернул банку, позволяя ее содержимому – по виду весьма напоминавшему мед – стечь в плоску.

– Хмеани вен апед коул адема.

Он терпеливо ждал, когда свеча догорит, и, зачерпнув из плоски, втер густую мазь в дверной косяк.

Минут через десять послышались торопливые шаги. Тот, кто тайно пришел к двери квартиры Саломеи, убежал – совершенно постыдным образом. А вот свет зажечь он не удосужился.

Рисунок на полу был смутно знаком Далматову. Обувшись, он не без удовольствия стер подошвой эти линии, и мед – все-таки это оказался мед, смешанный со свечным воском, – он тоже попытался содрать с косяка, но тот словно прикипел к двери.

Этот обряд, знакомый ему, и весьма хорошо, совершенно не увязывался с греческой мифологией, да и в нынешнем своем исполнении изрядно пахивал любительским театром. Но Далматов не поленился сходить за солью. Он выводил эти, сто лет позабытые, казалось бы, символы очень аккуратно. А меда-то и не было у него, но и кровь тоже подойдет... Несколько капель – вполне достаточная жертва для разгневанного лоя.

Далматов точно знал, куда он отправится завтра.

Психиатрическая лечебница была заведением государственным, хотя имеющим и частное, платное, крыло. Здесь сделали ремонт, оштукатурили старые стены, подлатали потолок и сменили прежние окна на новенькие стеклопакеты. Но линолеум под ковровой дорожкой был точно такой же, как во всем здании – желтый, с паркетным рисунком, местами заметно поистершимся. И кругляши ламп, забранные решетками. И высокие потолки, из-за которых непропорционально узкие коридоры казались еще уже.

И запах – стойкий, медикаментозный.

За годы существования лечебницы он пропитал здесь все, включая новенькую мебель, недорогую, но солидную на вид, и новенький же халат медсестры, и ее саму. Илья знал, что запах прицепится и к его одежде – в бесплодной попытке побега.

Это было неприятно.

– К ней вообще-то нельзя, – сказала медсестра – довольно молодая, но уже с волчьим, голодным взглядом. – Но если Виталий Павлович вам разрешил...

– Разрешил.

Разрешение обошлось ему в весьма приличную сумму, и Далматов надеялся, что потрачены деньги не зря.

– Тогда ладно.

Медсестра не спешила открывать ему дверь, смотрела жадно, выжидающе. Поняв намек, Илья заплатил и ей. Деньги мигом исчезли в кармане ее халатика, и заветная дверь открылась.

– Она все равно ничего вам не скажет, – медсестра произнесла это без злости в голосе, скорее предупреждая грядущее возмущение клиента. – Она совсем уже того... но не агрессивна.

Медсестра осталась за дверью, и вряд ли – от нежелания становиться свидетелем чужой беседы, скорее уж, от лени и душевного равнодушия, что было Далматову весьма понятно.

Он вошел в палату и осмотрелся.

Комната в шесть квадратных метров от силы. Узкие окна забраны решетками. На стеклах слой грязи, сквозь который с трудом пробивается солнечный свет. Здесь он – какого-то неестественного, белого оттенка свежевystиранных простынь. Стены – серые. Пол тоже серый. Узкая железная койка прикручена к полу, застлана клетчатым пледом. Кроме нее, в палате имеются старый стол и кресло, придвинутое вплотную к окну. В кресле сидит женщина, точнее, Далматов знает, что это существо – женского пола.

Она ничуть не похожа на себя, прежнюю.

Исхудала. Ввалились щеки, отчего ее нос и подбородок словно бы стали больше, массивнее. На узкой шейке кольцом лежит хомут шарфа. На коротко остриженных волосах – цветастый платок.

– Добрый день, Эмма, – сказал Илья.

Женщина не отреагировала.

– Меня зовут Илья. Я пришел поговорить с вами о вашем муже.

– Аолоон? – Она дернула головой. – Аолоон... следит. Смотрит. Там.

Тощая рука (непомерно огромная ладонь) протянулась к окну. Пальцы уперлись в стекло, оставив пятна-проталины на слое грязи.

– Еды дай, – Эмма повернулась к Далматову. – Еды!

– Зефир будешь? – Илья поставил на стол пакет. – Сказали мне, что ты зефир любишь. И конфеты. Чипсов хочешь?

Он выкладывал принесенное на стол, Эмма немигающим взглядом следила за его руками, будто ждала некой подлости от незваного гостя.

– Дай, – потребовала она, указав на коробку с печеньем. – И молочка... пожалуйста!

Молочка у него не было, но имелся апельсиновый сок в пластиковом пакете. И пара стаканчиков.

– Желтый, – Эмма сказала это с явным неодобрением. – Его цвет.

– Чей?

Илья налил соку и себе. Совместная трапеза сближает, это «прописано» в людской крови, а даже сумасшедшие слышат голос крови. Пожалуй, даже острее слышат, чем кто бы то ни было другой.

– Его. Аполлона. Солнце, солнце... всегда солнце! От него – плохо. Не спрятаться.

В палате и правда не было ни штор, ни жалюзи, ничего, что закрыло бы окно от яркого света.

– Следит. Смотрит. Я себя хорошо веду!

– Конечно, – согласился Илья. – Он вас любит.

– Кто?

– Муж.

Она рассмеялась хриплым каркающим смехом:

– У пифии нет мужа. – Повернувшись к окну, она процитировала:

Феб! Воспевает и лебедь тебя под плескание крыльев,
С водоворотов Пёнейских взлетая на берег высокий.
Также и сладкоречивый певец с многозвучною лирой
Первым всегда и последним тебя воспевает, владыка.

– Это он вас научил? – Далматов сомневался, чтобы Эмма, та прошлая Эмма, которая вела свой бизнес жестко и славилась стервозностью, почитывала на досуге Гомера. И, уж тем более, заучивала наизусть гимны.

– Он, – она прижала палец к губам. – Следит. Всюду – он. Особенно здесь. – Она выплеснула сок на пол и заглянула в стаканчик: – Нету... а там был... чаша-чаша... солнца лик... Нельзя противиться воле Аполлона.

– Иначе – быть беде?

– Быть, – согласилась она. – Быть беде... глядеть в беду. Смотри, смотри! Думай. Он говорит с тобой. Пей до дна, обнажи лицо. Увидишь. Все увидишь! Расскажет, как есть... как должно быть. Тяжело. Солнце опалает. Близкое солнце жжет. И – так больно.

Из ее глаз брызнули слезы, они текли по трещинам щек, собирались на остром подбородке, чтобы упасть в стакан. Когда слезы набрались на доньшке, Эмма протянула стаканчик Далматову.

– Отдай ему. Горек вкус дельфийской воды! Но я помню.

В этот момент она выглядела почти адекватной.

Глава 6

Новые старые встречи

С утра у нее звенело в ушах, попеременно – то в левом, то в правом, как будто невидимый комар задался целью лишить Саломею душевного равновесия. Порою звон проникал и в мозг, порождая почти невыносимый зуд в затылке, и тогда Саломея морщилась, закусывала губу и сжимала кулачки до хруста в пальцах.

Это все из-за бессонной ночи.

Ворочалась она долго в постели, задыхаясь от жары. Мысли лезли всякие в голову.

Позвонит ли Аполлон?

А может, и к лучшему, если не позвонит? Зачем начинать наново уже «пройденный» роман?

Ночь закончилась в полпятого утра, когда рассвет наконец прорвался в окна. И тогда-то и появился звон в ушах. Динь-дон. Надо привести себя в порядок и подумать... хорошенько подумать...

Хорошо ли она знает Аполлона?

Центр «Оракул». Аполлон мечтал поехать в Дельфы, не как историк-профессионал, но как паломник, жаждущий припасть к иссякшему источнику древней мудрости. Так он говорил. А еще что? Ну же, надо вспомнить.

Гомер воспевал Аполлона. Хитрый бог, прекрасный бог. Сын титаниды Лето и брат сестры Артемиды.

Врач, спасший Афины от чумы, – и убийца, «одаривший» ахейцев мором.

Отвергнутый красавец: возлюбленные сбегали от него.

Жестокий.

Он подарил Сивилле вечную жизнь, но не молодость. Ужасно – распадаться на части, зная, что распад этот будет длиться вечно.

Сильный. Победил Пифона и отвоевал Дельфы.

Злой.

Бедолага Марсий посмел бросить вызов ему, лироносному, – и расстался с собственной шкурой. Зато тростник теперь поет голосом несчастного сатира.

Неудачливый. Погиб возлюбленный Гиацинт от руки дорогого друга. Случайность? Рок? Мстительный.

Лишилась детей хвастливая Ниоба, вздумавшая поставить себя выше богини Лето. И Кассандра, получившая дар пророчества, тоже погибла. Аполлон не терпит обмана.

И что из того? Тот Аполлон ушел в небытие. Его нынешний удел – испещренные трещинами барельефы, осколки ваз и остатки легенд. Что до них Саломея?

Она ждет.

Долго... почему так долго? А если самой позвонить? Но куда? Аполлон не оставил ей свой номер. Не хотел, чтобы их встречи продолжились? Говорил-то он иное. Но разве можно верить однажды предавшему?

Звон в ушах нарастает. Уже не комар – целая стая мошкары вьется вокруг Саломеи.

– Это «ж-ж-ж» неспроста, – сказала она себе, затыкая пальцами уши. Звон не исчез. Он жутко мешал ей сосредоточиться, а когда Саломея включила компьютер, то и вовсе вызвал острый приступ боли в затылке.

От боли ее спасет парацетамол, а от странностей происходящего с ней – попытка в этом происходящем разобраться. К примеру, с тем, что такое горькое было во вчерашней пицце. И откуда взялась эта ее «нечеловеческая» откровенность с Далматовым?

Саломея набрала его номер и спросила:

– Что ты мне вчера подсыпал? В пиццу?

– В чай, – уточнил Илья.

Это, конечно, многое меняет! Следовало бы разозлиться и высказать ему все, что Саломея о нем думала, но, как назло, думалось ей туго.

– У меня теперь голова болит!

– Это от недостатка кислорода. Сходи, прогуляйся.

– Я тебя видеть больше не желаю!

Саломея начала с Аполлона – того самого, сына Лето и любвеобильного Зевса, которому явно тесновато было на Олимпе под присмотром ревнивой Геры. И грозный метатель молний то и дело сбегал на землю, где регулярно вел на редкость разнузданный образ жизни, естественным следствием которого стало множество детей полубожественной породы.

Мифы всплывали в памяти – один за другим. Саломея ведь читала об этом. Про Лето, которой не нашлось места на земле; только лишь мятежный Делос не подчинился приказу Геры и дал Лето приют – взамен на обещание грядущей славы.

Аполлон сдержал слово.

Ярость Геры не ведала границ. И Пифон очнулся ото сна... а дальше – схватка. Победа. Пролитая кровь – и покаяние.

Это все Саломея читала прежде, и до встречи с возлюбленным, и потом, позже, вместе с Аполлоном, желая стать еще немного ближе к нему. Разве можно прикоснуться к солнцу?

Можно, если ты готов сгореть.

Саломея пока что не готова. И мучительный звон в голове продолжает терзать ее. Далматов все-таки гад! Вот отравит он так кого-нибудь – и сядет. Кто ему передачи-то возить будет?

Лиру Аполлону подарили. И к ней в «приклад» – дар предвидеть грядущее, видно, слишком тяжелый, чтобы он мог нести в одиночку. Вот и раздаривает Аполлон его, и щедро весьма. Храм возводит на костях Пифона и вкладывает в губы пифий слова грозного своего отца.

Но храм рухнул, и ушла божественная сила. Куда?

К кому?

У Павсиния, столь подробно описавшего Дельфийский храм, нет ни слова об источнике оракула силы. А современники Саломеи весьма скептически по отношению к древним пророчествам. Выстроили множество версий, но истина всегда «где-то рядом».

В музыке, от которой не удастся отделаться – никак.

И Саломея не сразу соображает, что музыка вполне реальна: это звонит телефон.

– Да? – номер не определился, но она точно знает, чей голос сейчас услышит. И сердце ее сжимается от страха – а вдруг это знание ложно?

– Привет. Я тебя не разбудил?

– Нет, что ты...

Аполлон, не дельфийский, но – равный ему по божественной силе.

– Я рано встала.

– Чем занимаешься?

Обычный вопрос, но Саломея поспешно закрывает ноутбук. Ей стыдно из-за своего любопытства. Она не делала ничего плохого... или делала?

Это все Далматов с его паранойей!

– Давай встретимся, – предлагает Аполлон и шепотом, как будто боясь, что его подслушают, добавляет: – Мне нужна твоя помощь.

Встречу он назначил на площади, пустой не то из-за раннего времени суток, не то из-за жары. Солнце выбелило каменные плиты и выжгло траву, проросшую в их стыках. Воздух дрожал. Исыхали листья на молоденьких деревцах, и старая кошка отчаянно пряталась в жидкой тени.

– Привет, – Аполлон был в белом, и цвет этот весьма шел ему. – Рад тебя видеть.

Он принес цветы, и букет, сухой, ломкий, было неудобно держать в руках. Но Саломея приняла его, как и легкий поцелуй-касание в щеку.

– Скажи, что ты устала и хочешь где-нибудь посидеть, – шепнул Аполлон и предложил ей руку.

– Тут ужас до чего жарко. – Саломея вцепилась в его ладонь.

Играть она никогда не умела и теперь вдруг испугалась, что ее неумелое притворство разрушит план Аполлона, каков бы он ни был.

– Я знаю одно очень уютное место, – ответил он, улыбаясь ей – ласково, безумно.

Кафе находилось в подвале старого дома. Вниз вела узкая лестница, пробитая, казалось, в самом фундаменте здания. Стены пестрели рисунками. Перил на лестнице не имелось. Узкие ступеньки разной высоты похрустывали под ногами, грозя рассыпаться от старости.

Аполлон шел сзади, словно отрезая ей путь к отступлению.

Кафе оказалось крошечным, всего на шесть столиков, отделенных друг от друга высокими перегородками. С перегородок свисали плети искусственного плюща.

Что-то за стенами гудело, громыхало, но словно бы где-то вдалеке.

– Садись, – Аполлон отвел ее к дальнему столику, зажатому между стеной и перегородкой. В тусклом свете лампочки и сам стол, и короткие лавки, заменявшие здесь стулья, и букет искусственных цветов в фаянсовой кривоватой вазе казались запыленными. – Я принесу нам попить. Только не уходи! Пожалуйста.

Саломея и не собиралась уходить, хотя происходящее нравилось ей все меньше. И Аполлон сегодня не был похож на самого себя: какой-то он был издерганный, суетливый. Он вернулся с пластиковым подносом в руках, на котором стояли бумажные стаканчики, заварной чайник и пара тарелок.

– Булочки с изюмом, – заискивающе произнес Аполлон. – С детства их обожаю.

– Я тоже, – на всякий случай солгала Саломея.

Чай имел привкус сена, через узкий носик чайника стакан попали соринки, они кружились по поверхности, не спеша оседать на дно. Сахарная пудра на булочках облезла, и «пролысины» эти отнюдь не делали выпечку более аппетитной на вид. Аполлон вытащил из кармана смартфон, снял с него чехол и, приподняв крышку чайника, положил в него аппаратик.

– Жалость какая! Уронил! – сказал он, переворачивая чайник на бок. Желтоватая заварка затопила его смартфон. Саломея подумала, что, возможно, не следовало ей соглашаться на это свидание.

Место уж больно уединенное...

– Ты, наверное, думаешь, что я сошел с ума? – Аполлон выловил из чая свою невинную, утопленную им трубку, и, вытерев ее салфеткой, положил на краешек стола. – Иногда я и сам думаю, что сошел, но... в общем, ты веришь, что вещи способны менять своих владельцев-людей?

Женился Аполлон по расчету. Ему было не стыдно признаваться в этом, ну, разве что самую малость. В конце концов, что, как не грамотный расчет, дает человеку шанс на долгую и счастливую жизнь? Любовь? В нее Аполлон не верил. Не потому, что испытал разочарование в любви, скорее уж, неверие его было чем-то само собой разумеющимся, сродни некоему исконному знанию. И данный факт изрядно облегчал ему жизнь.

В общем, Аполлон женился. По расчету.

Супруг он выбирал придирчиво, всякий раз взвешивая не только материальное положение очередной дамы, но и особенности характера новой избранницы. А вот внешность ее значения почти не имела.

– Значит, характер? – Саломея смотрела в стакан, опасаясь, что, если она взглянет на Аполлона, то не сдержится и плеснет чаем ему в лицо.

– Ты была очень молодой. И вспыльчивой. Ревнивой. Вряд ли твои родители одобрили бы ранний брак, следовательно, в худшем случае, меня ждала война с ними. В лучшем – их полное невмешательство.

– И чем это было так плохо?

– Ты не имела работы. И нормального образования – тоже, чтобы хорошую работу найти. И желания – не имела. Зачем искать службу, если все хорошо? Мне пришлось бы пахать за двоих. А я не был к такому готов. Прости.

Раскаяния в нем явно нет. Скорее уж, это просто дань традиции. За давние разлуки надо извиняться – положено так делать.

– Я не хочу лгать, – объяснил Аполлон. – Я мог бы придумать душщипательную историю – о вынужденной разлуке и собственных жутких страданиях, но я действительно не хочу тебе лгать.

И это – уже ложь.

Ведь был вчерашний день. Что же изменилось?

– Твоя жена... – голос ее сел, в горле пересохло. – Она – другая, не такая, как я?

– Она была... мудрой женщиной.

Случайная встреча – в магазине сувениров. Аполлона привлекла черная амфора, сделанная столь умело, что в первый миг он принял ее за настоящую – и заглянул в магазин. Конечно, он сразу разобрался, понял – подделка, но надолго застрял в зале, беседуя, как ему показалось, с обычной продавщицей – спокойной женщиной в возрасте. Сначала он говорил об этой амфоре, перечисляя изображенных на ней богов и героев. Потом – о Греции. О себе...

А оказалось, что продавщица в тот день взяла больничный, и Татьяне пришлось поработать за нее.

Это был удачный день для них обоих.

Встречи их продолжались.

– Она была очень уравновешенным человеком. Дипломатичным. Спокойным. И умела разговаривать.

– А я – нет?

– Ты... и многие другие, вы просто высказываете претензии – и ждете, что я тотчас изменюсь по вашему желанию.

Разве Саломея была такой? Наверное, была.

– Татьяна же все объясняла. Терпеливо. Подбирая правильные слова. И возражения она выслушивать умела, не ударяясь в слезы. Это она предложила – пожениться.

– А ты – согласился?

Татьяна всегда одевалась неброско, но со вкусом. Курила она дешевые сигареты, но носила их в дорогом портсигаре. А вот зажигалка была копеечной, пластиковой. Татьяна говорила, что зажигалки она постоянно теряет, и потому нет смысла на них тратить.

– Я понимаю, что старше тебя, – Татьяна припарковалась и вышла из машины. Двигалась она резко, порывисто, как будто боясь что-то не успеть. – И что вряд ли ты действительно меня любишь.

– Я и не говорил, что люблю.

За стоянкой располагался крошечный скверик с каштанами и треснувшей пополам липой. Часть дерева отвалилась, но не умерла липа. И ветви ее торчали вбок, увешанные крохотными, словно бы измятыми листьями.

– Вот поэтому ты мне и нравишься, – Татьяна села на качели. – Ты не пытаешься притворяться. Если бы ты знал, сколько на моем пути встречалось хороших мальчиков, которые только и пели, что о неземной любви!

Она оттолкнулась ногами от земли, и качели заскрипели. Цепи их, выглаженные снизу до блеска чьими-то ладонями, вверху имели неприятный – ржавый – цвет.

– А я же не дура, Польша! Я отдаю себе отчет, что в бабу моего возраста влюбиться... нет, можно, но уж никак не мальчику.

– Я не намного моложе тебя.

– Намного, – возразила ему Татьяна, откидываясь назад. Она раскачивала качели, вроде бы нехотя, но – упорно. Она все делала так – упорно. – Ты не представляешь, насколько. Возраст, он же не только в паспорте обозначен. А я... впрочем, не об этом я хотела поговорить. Ты мне не врешь, и это уже хорошо. Я тоже не буду тебе врать. Ты мне нравишься.

Аполлон знал это. Он нравился подавляющему числу женщин – еще с того, детского возраста, когда из такой симпатии выгода человеком извлекается чисто инстинктивно.

– Ты не глуп. Обходителен. Красив. Но главное – честен. Хорошее качество в партнере. Я бы сказала – определяющее.

Качели раскачивались, и Татьяне приходилось поджимать ноги под дощатым сиденьем, чтобы не задеть за землю.

– Поэтому я предлагаю тебе сделку. Подтолкни, пожалуйста, качели...

Аполлон, преодолев брезгливость, коснулся ржавых цепей, толкнул, увеличивая амплитуду движения.

– Мой отец их повесил тут, – призналась Татьяна. – Еще когда мы сюда только-только переехали. Он был военным. Порядочным человеком. Умер от рака.

Цепь прогибалась под ладонью, вибрировала, и Аполлон почти с облегчением отталкивал ее. Качели раскачивались все сильнее.

– И я умру. Опухоль... в легком. Вторая стадия.

Надо выразить ей сочувствие и сказать, что сейчас рак лечат, и успешно, особенно, если болезнь застать на ранней стадии. Но Аполлон молчал.

– Хорошо, что ты не притворяешься, – Татьяна запрокинула голову. – Я знаю, что шансы у меня хорошие и все такое, но... просто – предчувствие. И мне страшно умирать... одной. Женись на мне.

– Условия были просты, – Аполлон постукивает мертвым смартфоном по столу. – Мы заключаем брак. Не фиктивный. Я пытаюсь быть хорошим мужем. Она составляет завещание в мою пользу.

– А если бы... если бы она вылечилась?

Он поглядел на Саломею с жалостью:

– Тогда мы развелись бы. Или – нет. Татьяна была замечательным человеком. Я расстроился, когда она умерла. Мы рассчитывали лет на пять, но... она сгорела гораздо быстрее. И я знаю, что отчасти виноват в этом.

И снова – вина признается им лишь на словах.

– Я защитил диссертацию. Бессмысленное, по сути своей, действие. А Татьяна решила сделать мне подарок. Нам обоим. Путешествие в Грецию. Не туристическая поездка на неделю, просто – билеты туда и дом, арендованный на три месяца. Свобода передвижений. Свобода желаний. Исполнившаяся мечта. И знаешь, что?..

Саломея покачала головой.

– Мне совершенно не понравилась Греция. Камни! Козы. Развалины и греки. Море – да, красивое. А Дельфы – не очень. Я другого ждал... Чего – не спрашивай. Татьяна смеялась, говорила, что я слишком привередливый... – Он оставил мертвый телефон в покое, сцепил

пальцы и уперся в них подбородком. – Чашу нашла она. В Дельфах. Я сначала решил, что это – одна из тех подделок, которые «скармливают» туристам...

Татьяна куда-то исчезла на сутки. Аполлон даже начал беспокоиться, не столько из-за нее, сколько из-за необходимости что-то предпринять. Обратиться в полицию? В консульство? Он понятия не имел, как положено поступать в подобных случаях. Он сперва разозлился, потом расстроился.

Решил немного выпить.

И выпил, пожалуй, больше, чем следовало бы. Это место угнетало его. Аполлон пытался проникнуться его атмосферой, но – не выходило.

И еще – Татьяна ушла, куда-то.

Она вернулась утром. Ее одежда была разорвана, руки – исцарапаны.

– Ты где была?!

Аполлон не собирался устраивать сцену. Усадив жену, он помог ей разуться. Кроссовки насквозь пропитались смердящей грязью.

– Я волновался.

Татьяна не ответила. Она смотрела куда-то поверх головы Аполлона – на горы, видневшиеся вдаль. Их вершины окрасило золотом, по склонам потек багрянец, словно само небо прорвалось под тяжестью солнца. И лава света изготовилась затопить древние Дельфы.

– Я пытался выяснить, где она была и чем занимались, но Татьяна отмалчивалась. Требовать от нее объяснений я не имел права, да и не желал этого делать. Я предпочел забыть этот неприятный эпизод, тем более, что Татьяне вдруг стало плохо. Резко подскочила температура. Начался кашель. Появилась боль в груди.

– Рак?

Саломее не было жаль ту, неизвестную ей женщину. Саломея даже не думала, что она настолько мстительна, чтобы радоваться чужой мучительной смерти.

– Рак. И уже не вторая – а четвертая стадия! Такого просто не бывает, так мне сказали. Чтобы настолько быстро. Чтобы... не важно это. Мы вернулись домой. Я предлагал Татьяне пройти курс лечения. Германия, Израиль, Франция... на выбор. У нее ведь были деньги, а она твердила, что от солнца не спрятаться, что оно – везде. Потом ей стало легче. На некоторое время. Ее работа «держала». И дела даже в гору пошли. Но она все равно сгорала, с каждым днем становилась все тоньше, суше как-то, и ее ничуть не пугала смерть. Она знала, что смерти не избежать, и спешила ловить удачу. Утверждала, что видит все – в этой чаше. Ей предлагали лечь в больницу, но она отказалась. Держалась до последнего. Она была очень мужественным человеком.

Намек, что Саломее не стать такой? Она и не пытается. Она боится боли, и смерти тоже, и еще – больших пауков, сумасшествия и... лечения зубов. Это же нормально.

– Перед смертью, буквально за день, Татьяне стало лучше. Она отослала сиделку, сказав, что сама справится. И что нам надо побыть вдвоем. Тогда-то я и узнал про Дельфы...

Глава 7

Карты и короли

Гадалкам Алиса верила – с тех самых пор, когда встреченная ею однажды цыганка «сняла» с Алисы золотые серьги, цепочку и перстни, нагадав ей взамен слезы, скорое расставание, счастливую встречу, червоного короля и безбедное будущее. Как ни странно, Алиска хорошо помнила то состояние оцепенения, сквозь которое пробивался сорочий стрекот цыганки – или нескольких цыганок? – требующий отдать им вещи.

Алиска все свои украшения и сняла – добровольно, а потом, позже, ревела до икоты над утраченным колечком. Не то чтобы колечко стоило дорого – это было турецкое золото с крохотным фианитом, скорее уж, оно было ценно, как подарок от человека, которого Алиска любила.

Тогда еще она верила в любовь.

Вера эта закончилась спустя две недели, когда Алиска застала своего возлюбленного – почти уже жениха – с лучшей подругой в самом неприглядном виде. Она не заплакала, но с удовольствием ярости вцепилась разлучнице в ее свеженарощенные космы.

Крику было...

Стерва эта еще милицией ей грозилась, но заявление все же не подала, а пришла... мириться. После этого визита Алиска впала в тоску, отчего сильно похудела, и облик ее, до того – небесно-хрупкий, стал как бы «пропуском» в иной, лучший мир, прежде видевшийся ей недостижимым.

Случайная встреча на набережной – Алиска глядела в воду, раздумывая, не прыгнуть ей ли туда по причине разбитого сердца, но ее останавливало то, что река была грязной, а вода холодной, – стала воистину счастливой.

– Девушка, вы разрешите... вас сфотографировать?..

Щуплый человечек с красным лицом фотографировал ее долго, заставлял менять позы и порою даже покрикивал на нее. Алиска подчинялась, ей было все равно.

– Вот, – человечек оставил ей свою визитку. – Приходи завтра, к трем. И купальник с собой возьми!

– Зачем?

– Затем. В тебе есть... – Он щелкнул пальцами, словно выхватывая из воздуха нужное слово. – Потенциал есть! Будем его развивать.

Алискиного потенциала хватило на звучный псевдоним, несколько удачных фотосессий и рекламу солнцезащитного крема, ставшую пиком ее нехитрой карьеры... в общем, сбылось предсказание цыганки. И когда карьера ее пошла на спад – Алиска старела, а типаж ее, как оказалось, уже вышел из моды, – на ее горизонте возник Далматов...

В общем, гадалкам Алиса верила. И к предстоящей встрече она отнеслась весьма серьезно, даже составила список вопросов, которые непременно следовало задать. А вот украшения свои Алиса оставила дома. Просто – на всякий случай.

Консультационный центр предсказаний и белой магии «Оракул» располагался в престижном районе и занимал два этажа в недавно выстроенном и потому еще нарядном здании. Стены дома, выкрашенные в ярко-лиловый цвет, пока что не были изуродованы трещинами и потеками, крыша сверкала новенькой черепицей, а массивные темные окна выглядели весьма внушительно.

В холле рожденная кондиционерами прохлада обняла Алиску. Там дежурил охранник. Он проводил Алиску внимательным, слегка настороженным взглядом.

– Я по записи, – сказала она. – В Центр.

Записываться ей пришлось заранее, уговаривать строгую девицу, которая клялась, что раньше, чем через неделю, ничего не выйдет. А потом девица сдалась и сама ей перезвонила, дескать, нашлось «окошко», если Алиса придет – срочно, ну, очень-очень срочно! Она ведь сможет?

Алиска смогла.

Фотография Анны Александровны – провидицы и ауролога – на сайте имелась, как и отзывы о ее «работе», в основном хвалебные. Были и ругательные, злобные, но – немного. Наличие отрицательных откликов и убедило Алиску, что «Оракулу» стоит верить. Она точно знала: когда кого-то хвалят все, это – пиар. А вот если и хвалят, и ругают тоже... и вообще, она сразу определит мошенницу.

Так она думала.

Но, оказавшись в Центре, Алиска вдруг растерялась. Это место ну совсем не походило на салон гаданий! Оно было таким... деловым! Полукруглых очертаний холл. Приглушенный мягкий свет. Прохладный воздух. Мягкие кожаные диванчики. Панорамные снимки звездного неба на стенах. Стены – темные, почти черные, а диванчики – нежно-персикового оттенка. И ковер такой же.

За хромированной стойкой – девушка-администратор, в черном костюме строгого покроя.

– Добрый день, – она профессионально улыбнулась Алиске. – Рады приветствовать вас в нашем Центре.

У девушки было широкое лицо, с некрасивыми, одутловатыми щеками и почти полностью отсутствующим подбородком.

– Ваша фамилия? – спросила она.

Алиска назвала свою фамилию. Защелкали клавиши под быстрыми пальцами, и девушка вновь повернулась к ней:

– Присядьте, пожалуйста. Вас пригласят.

– А... скоро?

– Как только Анна Александровна освободится.

И когда же это будет? Но раздражение ее было каким-то вялым, и Алиска послушно уселась на диванчик, благо, он оказался мягким и удобным.

– Могу я предложить вам чаю? Специальный травяной сбор. Весьма полезен для кожи. – Девушка коснулась своей шеи, и Алиска увидела, что кожа у нее и вправду великолепная – белая, нежная, какая бывает только после посещения салона красоты, да и то недолго.

Конечно, от чая Алиска не отказалась.

Подали его быстро, и не в чашке, а в каком-то кривобоком сосуде из необожженной черной глины. Из узкого горлышка сосуда торчала длинная соломинка с бумажным зонтиком.

– Надеюсь, вам понравится, – сказала девушка-администратор, возвращаясь на свой пост.

Алиска попробовала напиток – осторожно, и ее нёбо обласкала мятная прохлада, сменившаяся приятной горечью.

– Пейте, пейте. Не бойтесь. – На соседнем диванчике устроилась женщина в ярко-красном сарафане, расшитом деревянными бусинами. Она принялась листать журнал, то и дело поглядывая поверх страниц. И, зацепившись взглядом за Алиску, женщина спросила, отчего-то шепотом: – А вы тоже – за судьбой?

Алиска пожала плечами:

– Просто так... интересно...

Почему-то признаваться в том, что пришла она в «Оракул» с весьма определенной целью, ей не хотелось. Женщина кивнула: мол, она все понимает.

– За судьбой, значит... ты не думай, я знаю, о чем говорю! Дочка моя сюда приходила. Такая... прям как ты... красивая.

Нежданная собеседница Алиски не была старой, как не была и молодой. Гладкую кожу лица не портили морщины, но на шее виднелись весьма характерные складочки.

– Связалась с одним... с женатым! Он все пел, что жену не любит, бросит ее, скоро на моей дочке женится.

– Врал! – решительно сказала Алиска.

Не то чтобы ей самой случалось сталкиваться с подобной ситуацией, но в женских журналах писали о таких случаях.

– Вот и я ей говорила: не верь ему! И чем все закончилось? Он ее обрюхатил и бросил!

– Ужас какой!

Алиска прижала руку к груди. Любовь всегда проходит, поэтому лучше как-то вообще без нее обходиться.

– И осталась моя дуреха с животом и без мужа... ну, Господь надоумил ее сюда сходить.

– Помогли ей?

Женщина важно кивнула и принялась загибать пальцы, перечисляя «удачи»:

– Вернулся! Прилетел! Ноги ей целовал! Прощения просил! С женой развелся – и мою дочку в ЗАГС на руках потащил! Квартиру на нее отписал! Машину!

Алиска завороченно кивала.

– Я и пришла-то, чтобы поблагодарить их.

Женщина подняла с пола пакет и, приоткрыв его, продемонстрировала содержимое Алиске. Внутри лежали бархатные коробочки, в такие обычно ювелирные украшения упаковывают.

– Мамины еще вещички. Но ради счастья дочери мне ничего не жалко!

– Так ведь...

– Отдариваться всегда надо! – строго сказала Алискина новая знакомая. – Иначе удача недолгой будет, а потом все станет, как прежде было, и даже еще хуже.

– Извините, – девушка-администратор прервала их разговор. – Вас ждут.

Алиску повели куда-то – по коридору, темному и узкому. Здесь светильники горели через один и были слишком тусклыми, чтобы можно было рассмотреть что-либо, кроме массивных дверей.

– Прошу, – сказала девушка, открыв одну такую дверь перед Алиской.

– Проходите, дорогая моя! Проходите, – Анна Александровна протянула к ней руки, словно желая обнять гостью, но не обняла, а взяла за обе ладони и... прижала их к своим рыхлым щекам.

Щеки ее были прохладными, морщинистыми.

– У вас замечательная аура. Теплая, – Анна Александровна потянула Алиску за собой, в глубь кабинета. Щелкнула дверь. Заперлась – автоматически? Нет, конечно, нет!

– Вы очень добрый человек. Отзывчивый! Полагаю, этим многие пользуются. Садитесь, – сказала хозяйка кабинета.

Кабинет оказался крошечным. Светлые стены, плетеная мебель и кружевные портьеры. Все какое-то легкое, воздушное. И сама Анна Александровна на гадалку не была похожа.

Она была невысокой, на голову ниже Алиски. Если верить сайту, то Анна Александровна не так давно отметила семидесятилетний юбилей, но ничуть она не походила на старуху. Ее лицо сияло свежестью и здоровьем, и впечатление это нисколько не портили обильные морщины. Волосы Анна Александровна собирала в высокий пучок, платье было длинным, цветастым, но ничуть не пошлым.

– Вы меня иначе представляли? – Она усадила Алиску в удобное кресло и заняла второе, стоявшее напротив. Разделял кресла изящный столик на тонкой ножке. – Все меня иначе представляют. Теряются поначалу... и вы тоже.

Алиска кивнула. Ей хотелось и убежать – и остаться, и поверить – и высмеять эту женщину, которая лишь притворялась гадалкой, хотя все на свете знают, что только цыгане умеют предсказывать будущее. В ней же нет и капли цыганской крови!

– Дайте руку, – Анна Александровна взялась за Алискино запястье, слегка сдавив его крепкими пальцами. Алиска отметила: хороший у нее маникюр. – И послушайте... Если вам не понравится то, что я скажу, – уходите! Платить ничего не придется в этом случае. И так... ваше имя мне известно, возраст – тоже. Работа у вас не тяжелая, но она утомила вас. Подруг много, но кому можно верить – вы не знаете. А в душе вы не так молоды, как указано в паспорте. На вашей ауре я вижу старые раны... сердце? Конечно, сердце... только оно заживает так долго. А порою и вовсе не заживает. Следы ран остаются на годы. Совершенное кем-то предательство? Да... вижу следы страданий и слез. Нельзя плакать. Слезы уродуют душу.

– Я не плачу.

– Телом – не плачете, – охотно согласилась Анна Александровна. – Но не сердцем. Болит?

– Болит.

Сердце и вправду кольнуло – вдруг, и так сильно, что Алиса едва не вскрикнула от этой неожиданной боли.

– Ничего, – Анна Александровна поспешила ее успокоить. – Если болит, значит, оно еще живо. С мертвым сердцем жить тяжело... а живое – отболит и вновь любить потянется. Уже тянется. Верно?

Она не стала ждать ее ответа, накрыла Алискину ладонь второй рукой и продолжила:

– Мечешься ты, вижу, сомневаешься в чем-то – или в ком-то. Не устраивает тебя нынешняя твоя жизнь. А менять – страшно. Вот сама и не знаешь, чего хочешь. Но я тебе помогу! Спрашивай.

Отпустив ее руки, Анна Александровна повторила:

– Спрашивай – или уходи.

Глаза ее глядели строго, и Алиска решилась. Вытащив из сумочки фотографию Далматова – не самую удачную, но он жутко не любил фотографироваться, – она протянула ее гадалке:

– Вот. Он... мы с ним...

Заготовленные заранее вопросы вдруг разом вылетели из ее головы, но Анне Александровне они и не потребовались. Взяв фотографию, она поднесла ее к глазам, сощурилась, словно пытаясь разглядеть совсем уж мелкие детали. И смотрела на снимок долго, может, минуту или даже две.

– Нехороший человек, – сказала она наконец, откладывая его в сторону, изображением вниз. – Черный совсем. Изнутри чернота идет и точит его. Проклятье – страшное. Родовое! От отца – к сыну... Никого такое проклятие не щадит.

Алиска вся обмерла.

– Тебя он не любит и никогда не полюбит. Радуйся! Если же кого-то он и полюбит, то в могилу сведет. От таких людей, милая, бежать надобно, но...

Гадалка повернулась к окну, задумчиво пошевелила губами, будто собираясь что-то сказать, но не решаясь.

– Но... что?! – Алиска не выдержала.

– Есть один способ это проклятие снять. Если, конечно, ты не испугаешься.

Алиска боялась. Ей вдруг стало холодно, а потом – сразу жарко. Ноги ослабли, сердце провалилось куда-то в живот, затрепыхалось... Анна Александровна, глядя на нее с жалостью, спросила:

– Любишь его?

– Люблю.

В этот момент Алиска верила, что действительно любит Илью и что ради этой любви она горы свернет! Воображение рисовало ей некий подвиг – не слишком, правда, утомительный, – а потом долгую жизнь – на двоих.

– Ой, врешь! – Анна Александровна погрозила ей пальцем. – Еще не любишь. И не надо! К чему – любовь? От нее одни беды. Разума своего слушайся. Поможешь ему – поможешь и себе. Богатый он?

– Да.

– Насколько?

Алиска пожалала плечами. Как-то не задумывалась она над размерами далматовских капиталов. Деньги у него были, это понятно, и тратил Илья их легко, значит, мог себе это позволить.

– Ну... у него дом есть. Большой. Старый.

– Старинный? – уточнила Анна Александровна.

– Да. Такой... с колоннами. И мрамором внутри все выложено...

– Отделано, – поправила ее гадалка.

– И еще – статуи. Сад с оранжереей. А еще, у него бриллианты есть! Целая шкатулка.

Вот такая!

Алиска показала, каких размеров шкатулка. Преувеличила, конечно, но лишь самую малость. И при мысли об этих драгоценностях ей вдруг стало очень обидно.

– Он мне их не разрешает трогать. Только показал – и все. Это от матери ему досталось, она умерла. И если уж умерла, то зачем все это просто так хранить? Там алмазы лежат, как... ну, как мой палец по размеру! И рубины! С изумрудами есть комплект – офигенный вообще! Я никогда таких не видела! А он говорит, что это – лишь часть. Что все самое ценное – в банке, а дома – только новодел, но хороший. И со временем этот новодел тоже станет ценностью! Вот!

– Умница, – похвалила Алиску гадалка. – Хочешь, чтобы камешки эти твоими стали?

Конечно! Разве кто-нибудь, будучи в здравом уме, от такого откажется?!

– И дом? – Анна Александровна продолжала искушать ее. – И деньги... все будет твоим, если ты меня слушаешь. А ты же слушаешь?

– Да!..

– Сначала нужно, чтобы он на тебе женился...

Этому голосу, такому ласковому, проникновенному, как возможно было не поверить? И Алиска верила. Закрыв глаза, она вслушивалась в журчание ее речи, позволяла гадалке прикасаться к своему лицу, удивляясь тому, до чего горячие пальцы у Анны Александровны. По ее телу расплывалась сладкая истома...

Все будет хорошо...

Лучше прежнего...

Надо только слушать ее... надо ее слушаться... и все у нее будет... у Алиски обязательно все будет...

Глава 8

Дары данайцев

Татьяна не знала, как она оказалась на этой улочке: каменной, тесной, извилистой, будто проложенной по руслу горной реки. Река обмелела, оставив выеденные солью берега, в склонах которых ныне гнездились люди. Доносилась до нее громкая чужая речь. Кричал чей-то ишак. Жарко.

Вода в бутылке нагрелась и уже не утоляет жажду, но Татьяна упорно пьет ее. И вот – вода заканчивается. А магазинчика, чтобы купить еще, нет поблизости.

Куда только лавки эти подевались? Их же здесь полно – на каждом шагу, – крохотных, тесных лавчонок, заваленных мелким товаром. Татьяна решает и останавливает какого-то прохожего, машет руками, трясет перед его носом пустой бутылкой, пытается объяснить ему что-то по-английски, который у нее всегда был плохим...

Прохожий что-то отвечает, но это не речь, а клекот какой-то.

Ничего не понятно!

– Он вас не понимает, – говорит кто-то Татьяне по-русски.

Она оборачивается, пытаясь разглядеть своего нежданного спасителя – а в том, что спасение пришло, Татьяна не усомнилась, – но солнце бьет ей в глаза. Татьяна видит лишь, что он высокий и, кажется, огромный какой-то. Черное пятно на золоте небосвода. Кто сказал, что в Греции небо – синее? Золотое оно тут! Цвета колесницы Аполлона. Ее Аполлон остался на вилле. У него голова болит, и ему неинтересно здесь, скучно, хотя он старательно притворяется, не желая разочаровать Татьяну. Хороший мальчик.

– Идемте, – он протягивает руку Татьяне. – Я вас выведу к отелю.

– Мы тут виллу сняли, – зачем-то говорит Татьяна.

– Тогда – к вилле.

Улица все вьется и вьется, сливаясь с другими, такими же, словно размножается в чудесных зеркалах, и Татьяна окончательно теряет ориентацию. Но новый знакомый крепко держит ее за руку. Иногда он останавливается, позволяя ей перевести дух, и перебрасывается с местными какими-то словами на их смешном чужом наречии.

– Не волнуйтесь, – он почувствовал Татьянино беспокойство. – Город старый. Запутанный. Просто так отсюда не выбраться. Пить хотите?

– Хочу, – ответила Татьяна.

Жара невыносимая. Ее тело буквально сочилось потом, внутренности иссыхали, вот-вот от Татьяны останется скукоженная мумия, вроде тех, что выставлены в Каирском музее.

Может, им в Египет лучше было бы поехать?

А лучше бы – не ехать никуда...

Незнакомец – Татьяна не удосужилась спросить его имя, а он вовсе не спешил ей представиться – протянул ей бутылку.

– Травяной чай, – пояснил он. – Лучшее средство от жажды.

Чай оказался горьким и приторным одновременно, но Татьяна пила, словно была не в силах напиться досыта. Ее спутник ждал. И когда бутылка упала на камни – так оглушительно громко, словно сделана была не из пластика, – он поднял ее. Подхватил он и Татьяну.

В себя она пришла от пронизывающего все тело холода.

Темно. Тихо.

Где она?..

Татьяна этого не знала. Она сразу вспомнила и незнакомца, и травяной чай, и жуткое головокружение, которое быстро переросло в беспамятство.

Дура! Разве можно верить незнакомым людям?! Никак, ей солнце мозги расплавало! «Соотечественник»... «поможет»... если от кого и ждать подлянки, то – от своих!

Татьяна вдруг схватилась за шею, не без удивления обнаружив пропажу цепочки. Массивная, солидная с виду, она была сделана из турецкого дутого золота и стояла немного. Кольца – те подороже. Но и кольца с пальцев ее сняли. И браслет. И сумочка исчезла! Жаль было даже не кредиток, а фотоаппарата, с которого Татьяна не удосужилась перебросить в компьютер хорошие снимки.

Резко пришло понимание, осознание случившегося, накатило – сразу! Тошнота... страх... Страх и тошнота.

Она ведь едва не умерла!

Или – почти умерла? Наверняка ее приняли за мертвую, поэтому и притащили сюда... а куда?

Татьяна велела себе успокоиться. Истерика никого еще не спасала, а вот здравый смысл – вполне мог помочь. На ее беду, со здравым смыслом дело что-то не ладилось. И Татьяне дважды, а то и трижды, пришлось ударить себя ладонями по щекам, приговаривая:

– Дура! Дурра ты, идиотка!..

Старый верный способ помог. Прекратилась нервная дрожь, тошнота и та отступила.

Все не так плохо... руки ее свободны. Ноги – тоже. И, значит, Татьяна выберется! Она сильная. И в девяностых годах не растерялась, оставшись совсем одна. Денег – нет. Работы – нет. Ничего не было... сумела же в Китай дорогу пробить! Одна из первых... тогда ей тоже было страшно. Всякое случалось. Били ее. Грабили. Убивали...

«Недодубили!»

Там она и тогда смогла выжить, и тут – сумеет. Сейчас сумеет.

Она поднялась на ноги. Вокруг – кромешная тьма. Сквозит откуда-то. Воздух холодный, соленый, он вызывает жажду. Татьяна вытянула руки. Слева – пустота. Справа – тоже. А прямо перед Татьяной – стена, каменная, неровная. И она ощупывает эти неровности в поисках подсказки.

Темнота рассеивалась медленно, не желая выпускать свою жертву. Она не исчезла, лишь сгустилась до отдельных плотных комков, в которых угадывались абрисы скал. Воздух, разреженный и черный, позволял видеть на шаг, порою – на два.

– Эй... – Голос Татьяны прокатился по коридору, дробясь на осколки эха.

Она одна. Она не знает, где она. И надо выбраться, но – куда идти? Влево? Вправо?

Туда, откуда тянет морским ветром.

И Татьяна решилась. Она побрела вслепую, ощупывая дорогу, спотыкаясь и порою падая, боясь одного – что она сломает ногу. Со сломанной ногой ей точно не выбраться, а так – шансы есть.

Она повторяла слова про эти шансы, говорила себе, что она обязательно спасется и пойдет в полицию. Или не пойдет? Им все равно ведь – глупая иностранка сама виновата, нельзя доверять незнакомым людям.

Нельзя...

В какой-то миг она окончательно потерялась и – растерялась, едва-едва не заплакала, но сдержала слезы. Они – признак слабости, а ей надо сейчас быть сильной.

Она не сумела бы объяснить, как оказалась в этом зале. Он был частью скалы, но явно сотворенный искусственным образом. В его куполообразном потолке зияла дыра, сквозь которую Татьяна увидела небо, и звезды, и желтую большую луну. Она закричала, но вряд ли ее услышали.

Стены зала были расписаны фресками, но за долгие годы краски поблекли, местами – истерлись и впитались в ноздреватый камень. И теперь фигуры и контуры лишь слабо угадывались.

Боги, люди – извечные греческие мотивы.

Пол разрезали трещины, узкие, но глубокие, и они создавали собственный рисунок. И массивное возвышение, похожее на горб из цельного куска мрамора, был центром этого рисунка.

Лунный свет словно пронизывал камень, и Татьяне показалось, что горб этот светится изнутри. И даже не горб – это некое животное, существо из иного мира, заснувшее на века и покрывшееся коркой мрамора. Она обошла его вокруг, не решаясь коснуться, в страхе разбудить зверя.

И – споткнулась о чашу.

Тяжелую чашу, отлитую из бронзы.

Татьяна подняла ее. Зачем? Она не знала. Чаша была тяжелой, ее неудобно было держать в руках, но Татьяна поняла – она ни за что в жизни не рассталась бы с ней. Из чаши, со дна ее, на нее с ласковой улыбкой смотрело солнце.

Солнце было богом во тьме.

Как может Татьяна... бросить бога?

Она уже не шла – бежала и – о чудо! – с легкостью находила путь в лабиринте коридоров. И остановилась, лишь оказавшись на краю узкого парапета. Каменной лозой, как ветвь плюща, приклеился он к громадине скалы и, обвивая ее спиралью, спускался в долину. Внизу лежал город, такой далекий, нереальный, словно вышитый черной нитью на черном же холсте.

И только в этот момент Татьяна расплакалась.

Она спустилась к дороге – самой обыкновенной, асфальтовой, – и даже сумела поймать попутку. А водитель оказался хорошим человеком, который, правда, не говорил ни по-русски, ни по-английски, но, услышав название виллы, велел ей сесть в машину.

Мог бы и прогнать.

В машине Татьяна задремала и не могла бы сказать, как долго длилась эта поездка – минуту, десять минут или более часа. Автомобиль остановился у знакомых ворот, и водитель знаками показал, что денег ему не надо.

– Спасибо, – сказала ему Татьяна.

Она ощущала близость рассвета всей кожей. Тело ее было холодным, как море, ожидавшее первого обжигающего прикосновения солнца. Она жаждала увидеть солнце и поклониться ему, благодаря его за все...

Она очнулась уже у двери виллы и поспешно сунула чашу в разросшийся куст какого-то колючего сухого растения...

– Татьяна совершила великое открытие. – Аполлон скривился, словно ему неприятна была сама мысль о чьих-то чужих открытиях. – Случайное, но – великое. И бессмысленное, потому что вряд ли ей удалось бы отыскать то место. И я не знаю, каким чудом она вывезла из Греции эту чашу.

– Мистика!

– Мистика! Именно так, – он подхватил брошенную ею подсказку с радостью. – Все, что было дальше, – это мистика! Она попросила меня основать Центр. Более того – прямо указала в завещании, на что должны быть потрачены ее деньги. Это было не совсем честно...

Ну да: договаривались-то они о другом!

– Богу *надо* говорить с людьми. Парадоксальное утверждение, но в нем есть своя логика. Не они помнят о нас – это мы помним о богах, чем и продлеваем их существование. И чудеса – это лишь их способ достучаться до людей. Она завещала: я должен стать хранителем чаши. Не владельцем! – Он подчеркнул этот факт, и Саломея кивнула, давая ему понять, что разницу она чувствует. – Лишь женщине дано стать пифией, пророчицей. Только я в это не верил, пока

Эмма... – Он вздохнул – и резко выдохнул: – Эмма – моя вторая жена. Она была хорошей женщиной. Только чересчур уж любопытной.

Саломее плевать! Какая разница, сколько у него было жен? Одна, две, десять! С Аполлоном ее не связывает ничто, кроме воспоминаний, которые во многом лживы.

Он ведь не умеет любить.

И все он врал!

– Она сошла с ума из-за этой чаши. Я прятал ее! В смысле чашу прятал. Ее крайне неприятно... видеть, а уж в руки брать... мерзкое ощущение! И вроде бы ничего такого в ней и нет, но меня всякий раз прямо передергивало.

Он вытер руки салфеткой и, скомкав, бросил ее на пол.

– Эмма ее нашла. Она... задавала вопросы – чаще, а потом и ответы на свои вопросы получила. Безобидная вроде бы игра, но обернулась она... в общем, когда я понял, что происходит, было уже поздно. Сейчас Эмма в больнице.

– А чаша?

– Чаша... чаша... – он замолчал, явно провоцируя ее задать вопрос, но Саломея не стала ему подыгрывать: хватит с нее! – Я уверен, что ее как-то... используют. В «Оракуле» начали происходить странные вещи... Ты не подумай, я не мошенник. Я и правда ищу людей, кто хоть что-то умеет. А иногда клиентам нужна всего лишь надежда. И я давал им эту надежду.

– За деньги?

– Какая разница? – отмахнулся Аполлон. – Мы же никому не причиняем вреда! А девочки исчезают... Я сначала думал, что они просто уходят, увольняются, а потом одна... Ирой ее звать, Иринкой, вдруг объявилась. И знаешь, она была, вела она себя точь-в-точь как Эмма! Тогда я и понял – кто-то пользуется чашей! Ты мне поможешь?

Саломея имеет полное право ответить ему отказом.

– Когда я встретил тебя, то понял – это судьба. Я же знаю о тебе, ну, о том, чем ты занимаешься. – Аполлон стыдливо отвел взгляд, словно занималась Саломея чем-то в высшей степени неприличным. – И... я на работу тебя позвать хотел...

– Что ж не позвал?

– Ну... решил, что ты неправильно все поймешь.

Да уж, за Саломеей такое водится – понимать все неправильно.

– И вот встреча... нарочно не придумал!

– А телефон свой ты зачем утопил в чае? И спектакль этот затеял – зачем?

Прежде чем принять решение, Саломея должна понять: с кем она имеет дело? Она и правда не знает человека, сидящего напротив нее. Вот ведь странность, а думала, что знает – лучше, чем себя!

Одно вранье вокруг.

– Такое дело... я тут пораскинул мозгами. Чаша – в квартире, а там чужих не бывает. Значит, кто-то из своих ее берет – иногда, а потом кладет на место. И если так, этот человек может следить за мной! Вот пусть и следит себе. За мной, за тобой... пусть он думает, что у нас с тобой – роман. Хорошо?

Плохо! Комок тошноты застрял в горле, ни проглотить, ни сплюнуть его. И в кого только Саломея уродилась такой дурой никчemuшной, которая только и умеет, что на граблях «плясать»? Вот сейчас разум ей говорит, что надо бы встать, попрощаться и уйти! А лучше – выплеснуть остатки чая в улыбающуюся физию того, кто раньше казался ей богом.

– Помоги, – Аполлон посмотрел на нее снизу вверх, и было в нем что-то такое, до невозможности жалкое, что Саломея ответила:

– Хорошо.

Эпизод 1

Рождение бога

Утлая ладья искала путь среди волн, столь огромных, что, казалось, еще немного, и они разобьют несчастное суденышко в щепы. Грозен был Посейдон Великий, гневался он, и чайки в тысячи голосов вторили его гневу. Зевс Седовласый хмуρο взирал с небесных высот. В темных облаках мелькали искры и ленты молний, и женищина, глядя вверх, плакала.

Что еще ей оставалось делать?

Губы ее были сухими. Волосы слиплись, а кожа, некогда мягкая, отвердела, будто черепаший панцирь. И женищина всей своей сутью осознавала, что скоро откроются перед ней врата в подземный мир. Тени на воде уже не были просто тенями, но, бесплотные – такие знакомые – тянули к ней руки, умоляя ее поделиться с ними теми крохами тепла, что еще оставались в ее изможденном теле.

– Нет, – шептала женищина, отмахиваясь от этих протянутых призрачных рук. – Подите прочь! Прочь!

А ветер выл в две глотки. Да и ветер ли это был? Цербер двуглавый пугает души умерших, и голос его будоражит слепую Фемиду, заставляя ее вновь и вновь склоняться над весами. Только что с них проку, если глаза ее давно привыкли видеть иное, чем то, что есть на самом деле.

– Проклинаю! – взвыла женищина, слизывая с губ крупницы соли. – Проклинаю вас! Я, Лето, дочь Кея, проклинаю тебя, мой возлюбленный Лай! Пусть земля, на которую ты ступишь, не родит ничего, кроме колючек. Пусть море встречает тебя ветром. Пусть... пусть не будет у тебя детей иных, чем мой нерожденный сын. А если и выпадет родиться кому-то иному, то ничего, кроме несчастий, от него не увидишь ты! И ничего, кроме несчастий, не принесешь ему. Я проклинаю тебя, коварная Ниоба, за жадность твою, за злой язык и зависть! Ты просила многих детей – и пусть боги дадут их тебе! А после – заберут, всех – до единого! Пусть оплачешь ты каждого, как я плачу над моим сыном. Я проклинаю вас болью своего сердца! Той любовью, которую вы убили...

Женищина положила руки на выпуклый живот, успокаивая себя – и дитя, которому уже пришло время родиться. Оно рвалось в мир, причиняя матери все новую боль, перед которой блекли иные страдания. И, если бы не присущая ей от рождения гордость, Лето закричала бы.

Она и закричала, когда гордость эта иссякла. Слезы, соленые, как само море, побежали по ее щекам. К чему все? Уж не проще ли взять нож – и вонзить его в израненное сердце? Это – легкая смерть, куда легче той, которую уготовил Лай своей возлюбленной!

Но отчего же не поднялась на нее рука у него самого? Побоялся ли он навлечь на себя гнев Геры-Заступницы? Или же он все еще любил ее... жестокий, жестокий... сколь мучителен этот выбор.

И – кричит Лето. От голоса ее утихает море. А чайки спускаются ниже, словно желают крыльями своими заслонить несчастную от солнечного жара. Милосердный Гелиос все выше и выше поднимает свою колесницу, а Зевс укрывает небо тучами. Начавшийся дождь – мягок, он омывает ее лицо и тело, даря женищине недолгий покой и робкую надежду.

Не может море быть столь пустынным...

Некогда она любила выходить к морю. И, смиренное, оно целовало стопы Лето теплою волной. Ветер касался ее волос и кожи – нежно, боясь ранить ее. Весна любовалась юной царицей, встречая ее смехом ручьев и молодой зеленью. Осень пела о скорой любви, и даже хмурая зима щадила Лето.

– Ты прекраснее всех, – щебетали птицы. И Лето смеялась, счастливая их восторгами.

Она не была избалована, хотя во дворце Кея не отыскалось бы никого, от царя до самого последнего раба, кто не был бы рад исполнить любую просьбу Лето. Но боги вложили в ее совершенное тело добрую душу.

И оттого Лето становилась лишь прекраснее.

Ни у кого не было сомнений, что сам Зевс Громовержец, доведись ему очутиться во дворце Кея, вспылал бы к Лето любовью и немедля забрал бы ее на Олимп. Глядишь, и воссияла бы на небосводе новая звезда. Но что богам до людей, а людям – до богов? И, принеся положенные жертвы в честь тринадцатого дня рождения Лето, царь Кей объявил: он готов отдать любимую дочь в жены тому, кто покорит ее сердце.

Он мог бы выбрать любого – многие люди, знатного ли рода, славные ли богатством или же деяниями своими, устремились во дворец Кея. И сыпалось золото под ноги Лето, растлались перед ней жемчужные россыпи, драгоценные камни со всех краев земли горели холодным огнем, к которому оставалось холодно и ее сердце.

Не смотрела Лето на царей.

Проходила она и мимо людей богатых, иные из которых могли бы купить не одно царство. Но она лишь благодарила каждого за высокую честь. И слова при этом Лето выбирала такие, была она так мудра, добра и царственна, что не нашлось никого, кто был бы обижен отказом.

Кланялись женихи Кею. Клялись Лето в вечной дружбе. И уходили из дворца, унося в обмен на свои дары пророку иные – белых перепелок. Каждый в сердце своем знал, что случилось чудо – ему довелось говорить с богиней.

И разве это – беда, что богиня не стала женой смертного?

Так миновал год. И начался следующий. Вновь принес жертвы Кей, взывая ко всем и каждому. Ищет Лето жениха. Не царя и не богача, но того, чье сердце пылает ярко.

Поспешили ко дворцу многие герои, славные охотники, сладкоголосые певцы и молчаливые мастера. Принесли они в дар Лето шкуры диковинных зверей, расщепленные щиты и сломанные копья врагов, песни, заставлявшие сами небеса плакать или же смеяться. Наполнялся дворец бронзовыми статуями, столь прекрасными, что один творец даже влюбился в собственное творение. И, отвечая на зов его сердца, оно ожило.

Радовалась Лето чужой любви. А своей – не имела.

Глухим оставалось ее сердце. И мрачнел царь Кей.

Уходили женихи, унося с собой белых перепелок. И не было среди них никого, кто обиделся бы на Лето. Разве ж можно таить обиду на чудо?

Но вновь полетел над Элладой клич царя. И устремились ко дворцу Кея все, кто мнил себя достойным. Сильные телом – и сильные разумом. Способные ко многому – и способностей лишенные. Красивые – и уродливые. Удачливые – и те, кого Удача обошла.

Не по нраву были царю подобные женихи. Но разве мог он перечить дочери? Другую бы выдал замуж, не спрашивая, желает ли она вообще замужней быть. А Лето... Лето словно не видела никого.

Снова говорила она с каждым женихом. С кем-то – долго, с кем-то – лишь словом обменялась. И каждому дарила перепелку, отправляя его прочь.

– Кого ты ждешь?! – не выдержал Кей. – Ты видела всех мужчин, которые только есть в Элладе! И никого не сочла достойным? Опомнись, Лето! Умрешь старухой!

Но лишь улыбнулась Лето: знала она, что супруга ее, богами нареченного, не было среди тех людей, в чьи глаза она глядела.

– Прости, отец, – молвила она. – Не гневайся. Обожди немного.

– Чего ждать?..

Унял свой гнев великий Кей. Да правда, как можно гневаться на ту, которая есть сама жизнь? Она же ждала, ничуть не сомневаясь, что очень скоро увидит избранника наяву.

Лето узнает эти синие глаза, ясные, как небо в полдень. И мягкие волосы цвета золота. И само лицо, преисполненное благородной внутренней красоты, и голос – ласковый, который – один – способен заставить душу трепетать, словно птица в силках... Ее сны не лгали. Следовало лишь запастись терпением. И Лето ждала.

Она выходила к морю каждый день, беседуя с волнами.

– Отец кораблей, священного дерева дух, – так говорила Лето, обращаясь и к воде, и к сосне, что издревле росла на берегу. – Не ставь препон моему возлюбленному! А ты, легконогий Гермес, чьи ум и хитрость известны во всей Элладе, подкажи ему сюда путь! Вели своим сыновьям наполнить ветром парус его корабля! Ждет его Лето.

И однажды случилось чудо. Сыпанул по волнам позолотой суровый Гелиос, вычерчивая дорожку на море – смиренном, более подобном шелковому платку необъятных размеров. Белой нитью протянулся горизонт, и ослепла на миг Лето, а когда вернулась к ней способность видеть, увидела корабль.

Белым лебедем летел он навстречу скалам, но море словно спешило убрать с его пути острые зубы рифов. И ветер наполнял парус, не чиня вреда кораблю. А солнце пылало над мачтой как знак высшей, божественной милости.

Его звали Лай, и был он сыном Ладбака, из рода грозного Кадма. Сам он, юный годами, не совершил пока что ни деяний злых, ни добрых поступков. Его нельзя было назвать сильным, равно как и слабым, но был он именно таким, какого желала Лето.

– Я стану его женой, – сказала она отцу, стоя по правую его руку. А гости еще лишь входили в город. Их корабль словно сторожил море, и люди, привыкшие к чужакам, не прятались в домах, но выходили поглядеть, кто же приехал к прекрасной Лето.

И, увидев Лая, женищины краснели – юницы ли, которым еще рано было думать о мужьях, жены ли верные, седовласые старухи, давно позабывшие о том, что они были молодыми, и вовсе младенцы ли – они улыбались Лаю открытой счастливой улыбкой. И каждая – пожелай он только – согласилась бы взойти на его корабль.

Хмурились мужчины, но добрый взгляд синих очей умерял их злость.

Разве может быть вред от юноши столь светлого?

И вовсе, человек ли он? Может, он – бог, принявший чужое обличье? Мудрый Зевс? Суровый Посейдон, любовавшийся Лето со дна морского? Светозарный Гелиос, что каждый день одарял ее теплом и светом? Полно гадать. С дороги, смертные! Лай идет!

– Добро пожаловать, – сказал ему Кей, которому гость пришелся вовсе не по нраву. И еще недавно готовый принять любой выбор любимой дочери, царь вдруг понял, что не желает он отдавать ее этому чужаку. Сияет юноша, как золотая монета. А если приглядеться – нет-нет, да и блеснет под позолотой обыкновенная медь. Но боги велят ему, царю, быть учтивым, и чужакам подали вина и хлеба, показывая, что нет зла под крышей дома Кея.

– Легок ли был ваш путь? – спросил царь, когда гости разломали свежий хлеб. – И что привело вас в наши земли?

– Я Лай из рода Кадма, – отвечивал юноша, улыбаясь прекраснейшей Лето, глядя лишь на нее одну, как Луна глядит на Землю, томимая любовью. – И я пришел в твой дом, благородный Кей, поскольку в тебе одном – мое спасение! Однажды ночью во сне я услышал голос столь дивный, что голоса певчих птиц показались мне грубыми. И голос этот звал меня, не произнося моего имени. Я ответил на зов, всем сердцем желая узреть ту, от которой исходил он. Уж не Афродита ли она ясноокая? Или сладкоречивая Афина? Сама ли Гера снизошла до смертного? Проснулся я в страшном смятении, будучи навеки привязан к той, которую ныне удостоился чести увидеть. Желал я узнать ее имя. И созвал всех жрецов моего отца. Всем я задавал один и тот же вопрос – где живет та, любовь к которой отравила мою жизнь, поскольку без нее кровь моя сделалась дурной, а мысли – слабыми.

Слушала Лето эти слова, и сердце ее то останавливалось, замирая, то летело вскачь. Именно так все и было! Значит, не лгали сны, и ласковый Гипнос протянул нить, соединив несоединимое.

– Многие имена называли мне. И были то имена прекраснейших женщин, которых уподобляли богиням – без боязни оскорбить Великих этим сравнением. Я бывал во многих городах, и к каждому городу я спешил, гонимый одним лишь желанием – увидеть наяву ту, что вновь и вновь являлась мне во снах. И лишь слабая надежда этой встречи удерживала меня от того, чтобы не броситься вниз со скалы в отчаянии. Но вот иссякли имена, и жрецы, гадавшие по полету птиц, сдались, как и те, что умели предвидеть будущее по ягнячьей трепухе, и иные, считавшие звезды, и всякие, которых не перечесть, благородный Кей. Чернела моя душа, точило ее отчаянье, и как знать, сумел ли бы я дальше жить, когда б не голос, вновь раздавшийся во сне. И велено мне было в первый день лета выйти к берегу, отдать ветру перышко перепелки и плыть туда, куда понесет его ветер.

Слушал его Кей, и тронули сердце его эти слова молодого царевича.

– Велел я вновь снарядить корабль, и верные люди мои, которых я почитаю за братьев, сели на весла. И вот – стоило перу соскользнуть с моей ладони, как поднялся ветер. Наполнил он парус и понес нас через морские просторы. Много дней плыли мы, и море было гладким, как зеркало, и ветер силен был, но не страшен. Понял я, что сами боги услышали сердечный мой крик и смилостивились над нами. Привел нас ветер к этому берегу, о котором прежде не слышал я. К тебе, благородный Кей, и к твоей дочери.

Так говорил юный царевич, и взор его был устремлен лишь на Лето. Не видел никого и ничего Лай из рода Кадма, только одно лишь ее лицо, столь прекрасное, что невозможно было никак насмотреться на него.

Страх терзал его душу.

Вдруг отвернется от него Лето, вдруг поднесет ему белую перепелку, как подносила ее многим иным своим женихам? Или суровый Кей, хмуривший брови, не пожелает породниться с сыном Ладбака, ведь нет у того ни славы, ни богатства – ничего, кроме корабля и людей, верных ему?

Дал себе слово Лай, что не покинет острова без Лето. Сама идти не пожелает – так он ее силой возьмет. Ведь героям многое дозволено. А Лай из рода Кадма мнил себя героем.

Просто еще не выпадало ему случая проявить свою силу.

Только напрасны были его страхи – принял Кей гостя, как дорогого родича, пир устроил, созвав всех. И самый последний раб нашел на том пиру место. Лилось вино во славу богов, и краснела, дрожала Лето, встречаясь взглядом с тем, кому принадлежала душой.

Звенели струны кифар, и певцы прославляли красоту молодых.

Скоро, скоро поклонится Лето богиням, поднесет им в дар свои девичьи уборы, игрушки и многое из того, что оставит – ради новой жизни.

Скоро хлынет на камни кровь жертвенного быка, могучего и злого, из самой Гипербореи привезенного. И склонится Кей перед богами, прося лишь о доброй судьбе для своей дочери. А затем – грянет иной пир, свадебный. Разделят Лай и Лето хлеб. Поклонятся очагу. И переступят порог дома как муж и жена.

Ни у кого не было сомнений, что брак этот, благословенный свыше, будет крепким.

Уже видел Кей внуков, прекрасных, как Лето, и сильных, как Кадм. И непрошенная слеза – гордости ли, счастья ли – катилась по морщинистой щеке. Долго он ждал, но стоило того ожидания.

Пышным был свадебный пир.

Множество дорогих подарков поднесли молодым. Были здесь и золотые серьги, браслеты и пояса, украшенные драгоценными камнями. Были кувшины с вином – столь редким, что стоило оно дороже золота. Были стрелы и лук из тяжелого темного дерева, серебря-

ными пластинами украшенный. Многие пробовали натянуть его, но никто не преуспел в этом деле, даже Лай.

Но лишь посмеялся он собственной неудаче:

– Норовистый конь лучше смиренного. Норовистый лук – лучше покладистого. И лук, и конь к одной руке привыкнут, – так говорил он и вновь лишь на Лето свою глядел.

А гости смеялись, радуясь, что норов у жениха ласковый. Удержит его при себе Лето, очарует.

Кей же, помимо тканей, вина и золота, преподнес им серебряный кубок тонкой работы. Был этот кубок весьма тяжел и холоден, и не согревали металл его ни горячее солнце, ни теплые руки Лето. Взглянула она на дно кубка – и замерла: оттуда взирало на Лето чудовище – человек ли, лев дикий или же нечто иное, косматое, страшное, с выпуклыми глазами.

– Кубок этот принесла в мой дворец синеглазая Илия. Пятьдесят дочерей есть у морского старца Нерейя, но видел я лишь одну, когда вышла она с сестрами на берег. Плененный ее красотой, уподобился я морскому богу и похитил Илию. Жила она в моем доме год. Ни в чем не знала обиды. Была она царицей здесь и на мою любовь любовью отвечала. Илия подарила мне дочь, столь же прекрасную, как и сама она. Но однажды испросила Илия разрешения навестить старого отца. Не мог я противиться ее желанию, хоть бы и беспокойно было на сердце моем.

Так говорил Кей, и все гости, затихнув, глядели на чашу, которую держала Лето. А она чувствовала, как наливается серебро чаши обжигающим холодом, как прилипает к ее рукам, тяжелеет.

– Не вернулась моя Илия! Я выходил к морю, звал ее, но только плач чаек был мне ответом. Неужто позабыла меня моя nereида? Не могло смириться с этим мое сердце. И воззвал я к Посейдону, чья рука держит удила Океана. Я принес ему в жертву пятерых быков, один другого краше, и овец, и коз, и драгоценный сандал, и все, что только было в доме моем. Разверзлось море, и вышел на мокрые камни берега слепец. Был он стар и немощен, вода катилась с его белой бороды, мокрый хитон облепил исхудавшее тело. Спросил меня старец, я ли буду Кей, царь человеческий, осмелившийся взять в жены nereиду? И понял я, что сам великий провидец Нерей стоит предо мной! Склонил я голову, смилив гордыню, и ответил, что я и есть тот самый Кей, и молю я его – отдать мне дочь. Предложил мне Нерей все богатства дома своего. Жемчуг ли, которым полно морское дно, золото с кораблей, которые тонули в море, серебро, невиданных рыб и зверей, каковых никто не видел в Элладе. Отказался я! Что мне эти богатства, когда нет со мной Илии? Предложил он мне силу, обещав, что, приняв ее, я стану величайшим из героев. Но к чему мне сила и слава без моей Илии? Отказался я и от мудрости, от долголетия, от всего, чем манил меня Нерей. И тогда сдался он, сказав, что предложил мне все богатства, которые имел, неспособный дать желаемого мной: ушла моя Илия в темный Аид, слишком долго она жила среди людей, чтобы спокойно вернуться в море. Не признали ее волны! И сестры не пришли на ее зов. И сам Нерей, уже не чаявший увидеть дочь, тоже опоздал.

Лето не помнила матери, но знала лишь, что та была царевной из далеких земель и что смерть, отобравшая у них Илию, погасила огонь в сердце отца. Что не желал он с тех пор глядеть на женихин иных, видя вечно пред собой лишь одну Илию и тоскуя по ней.

– Просил он меня о прощении. И – был прощен, потому что не было в смерти той ничьей вины. Обнялись мы, как если бы были братьями. Уходя в море, Нерей оставил мне сию чашу. Любой, кто выпьет из нее – хоть вино, хоть простую воду, – обретет на время пророческий дар Нерейя. И все, что увидит он, находясь в облике старца, непременно воплотится в жизнь. Однако предупредил меня Нерей, что лишь те, в ком есть его кровь, кровь самого Океана, способны вынести тяжесть пророческого дара. Простой же человек, осмелюсь он прозреть грядущее, раздавлен будет Океаном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.